

Екатерина Романова

Драконий Василек
дилогия

16+

Екатерина Романова

Драконий василек. Дилогия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42577748

SelfPub; 2019

Аннотация

В моем мире ведьмам живется скверно. Вот уже десять лет драконы – карающий меч императора – убивают нас без суда и следствия. Но именно к нам тянутся простые люди от отчаяния, нужды или горя, у нас ищут спасения и заступничества во времена лютых печалей. Вот только что делать ведьме, если она сама попала в беду, а спасение в руках злейшего врага? Как найти сердце влюбленного дракона и остаться живой? Вдобавок, владыка не хочет понимать, что я не стану его добычей, а верховный главнокомандующий искренне верит, что после объединившей нас инициации, я принадлежу ему...

Драконий василек: дилогия

© Екатерина Романова, 2018

© Оформление. Екатерина Романова, 2018

Файл для сайта ЛитРес

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com> по лицензии CC0

Гардия, Нория, 1245 год

Родовое гнездо ард Нойрманов

– Я сегодня пила хрустальную воду с ирдом Ульвейном, – дипломатично изрекла ирда Нойрман, замерев на пороге кабинета своего сына. Дракон устало поднял голову и кивнул на расположенную у стены козетку.

– Присаживайтесь, мама.

Поджав губы, она сделала несколько шагов и мягко закрыла двери:

– Я не вовремя?

Сын обращался к ней на «вы» в двух случаях: когда устал и когда недоволен.

– Что снова не так? – раздражение в его голосе лишь угадывалось, но ирда Нойрман дама проницательная и знала, что, дернув дракона за хвост, голову в песок прятать бесполезно. А она как раз собиралась дернуть за хвост дракона, сидящего перед ней.

– Когда гостю рады, ему предлагают сесть или располагаться. Присесть – означает разрешение посидеть некоторое время и убираться подальше, как можно скорее.

Мужчина сжал кулаки, крылья его носа дрогнули. Под стук каблучков матери, он пытался обуздать подкатывающую к горлу ярость. Чуть скрипнул диван, принимая вес худощавой аристократичной особы, и в кабинете стало тихо.

– Наконец-то я привлекла твое внимание, – улыбнулась женщина, убирая за ухо смоляную прядь.

– Хорошо. Я тебя слушаю, – подчеркнуто вежливо произнес Ролдхар, отложив магическое перо и скрестив пальцы.

– Я сегодня пила хрустальную воду с ирдом Ульвейном, – повторила она и замолчала.

– С чего бы вдруг такая жертвенность, мама?

– Нам необходимо укреплять связи со стаей хрустальных драконов. И я пригласила на ужин ирду Ульвейн. Тебе не кажется, что пора подумать...

– Не сейчас!

– Святая чешуя, ну что за сын?

– Единственный, любимый, успешный?

– Я уже полвека слышу твое «не сейчас». А когда? Когда, Ролдхар? – она повысила голос, но, заметив, как стремительно темнеет за окном, а лицо сына приобретает хищные черты, напряженно улыбнулась.

– Потом, – отмахнулся он и снова взялся за перо. – Два дракона обнаружены мертвыми в Астории. Мне некогда думать о свадьбе.

– И не нужно! – с энтузиазмом заявила ирда Нойрман. – И не нужно, дорогой! Мы с Аласаной обо всем подумаем сами!

– Может, и поженитесь без меня? Был бы вам признателен! – он поставил широкую подпись и отложил свиток на край стола.

– Совсем скоро турнир мудрости. Если ты хочешь вновь одержать победу и стать владыкой, тебе лучше слушать свою мать!

– Я всегда искренне полагал, что для владыки куда важнее сила, воля, умение решать конфликты между стаями, а

не наличие рядом драконицы. Которая, к тому же, не может заменить хранительницу.

– Наличие драконицы гарантирует продолжение рода! Советникам это важно!

– Теперь вам еще и внуков подавай! – он вскинул брови и процедил последнюю фразу сквозь зубы.

Ирда Нойрман понимала, что ее время в кабинете сына на исходе, а потому сделала-таки то, ради чего в действительности пришла. Выпалила на одном дыхании:

– Тебе следует подумать о новой хранительнице, сын.

– Что? – в кабинете стало очень и очень тихо, а лазурное небо мгновенно покрылось тяжелым покрывалом иссиня-черных туч, вот-вот грозящих излиться лютым дождем. Так всегда бывает, когда владыка в ярости.

– Когда ты в последний раз оборачивался?

– Сегодня ночью!

– И не мог вспомнить своего имени, когда вернул человеческое обличье! – она вскочила и сделала шаг в сторону сына.

– Стоять!

Женщина вздрогнула и замерла:

– Дорогой, тебе все труднее контролировать дракона! Как ты не понимаешь, я забочусь о тебе! Подумай сам, милый, прошло уже десять лет! Раруш не вернуть, а владыка должен держать себя в руках!

– Вон! – сжав кулаки до побелевших костяшек, прорычал

мужчина, но ирда Нойрман не шелохнулась. Тогда он закрычал, взмахом руки выбив двери кабинета: – Вон отсюда!!!

Аптекарская лавка госпожи Венеры

– Где же я достану сердце влюбленного дракона? – я наблюдала, как в кружке кружатся лепестки васильков, потревоженные чайной ложкой, и медленно оседают на дно.

Мало того, что сердце дракона, так еще и влюбленного! Всем известно, больше шансов увидеть единорогов в Заповедном лесу, чем дракона, который умеет любить. Впрочем, нет. Единороги хотя бы существуют, это научно доказано!

– Ох, если бы я знала, дорогая моя! – госпожа Венера развела руками и, поставив на стол варенье из одуванчиков и глиняную тарелку с баранками, села рядом со мной. – Сегодня получила письмо от леди Рейнгард. Она написала, что если ведьмы ковена Сотхо не снимут заклинание сами, помочь может лишь сердце влюбленного дракона. Ты знаешь природных ведьм, цветочек. Они не могут вмешиваться в ход событий напрямую, а все, что сообщают, необходимо толковать.

Я приуныла. Ведьмы ковена Сотхо – наши заклятые враги. Они никогда и ни за что не помогут. Между смертью и помощью Борхес они выберут смерть. Даже если она будет долгой и мучительной. А сказанное леди Рейнгард, как ни толкуй, все равно без толку получается.

– Выходит, шансов снять проклятие с графа Братстона нет! Сердце влюбленного дракона и любовь к графу девушки со светлой душой, – я горько усмехнулась.

Оба варианта – сказки. Тот, у кого нет сердца, не сможет полюбить. Того, у кого нет души – полюбить нельзя. Вот и у меня не получается, сколько бы я ни пыталась. Три года попыток, да все дальше от цели...

– Мне жаль, Анотариэль, – госпожа Венера вздохнула, а затем поделилась новостью. – Завтра слет ведьм первого круга. Среди вопросов, подлежащих обсуждению, перевод се-стер в более высокие круги.

Я подобралась. Три года я училась и трудилась, чтобы перейти из пятого в четвертый круг. Госпожа Венера – верховная ведьма ковена Борхес, в котором я прошла инициацию – всегда мне благоволила, но никогда не оказывала протекцию. Для нее самое главное, чтобы мы учились, росли и развивались. И, конечно же, практиковались, несмотря на страх казни. Люди нуждаются в нас и нашем заступничестве. Так было, есть и будет всегда. Многие догадываются, от кого получают помощь, но еще никто не выдал нас. А это уже показатель того, что добро всегда добром возвращается.

– Думаю, что ты готова войти в четвертый круг.

Хоть одна хорошая новость за долгие годы! Более высокий круг – доступ к новым знаниям и новым силам, к новым заклинаниям. Вот только чем выше круг ведьмы, тем более могущественные существа темной материи интересу-

ются ею. Чем сильнее ведьма Борхес, тем светлее ее душа. А, чем светлее душа, тем больше силы она может дать врагам. Вот такой замкнутый круг получается. Но, увы, нам, истинным ведьмам, отказаться от силы нельзя. Хотя, почему нельзя? Поначалу я попыталась, за что и поплатилась. Каверзы исконной магии привели меня в ловушку к графу Братстону, из которой я до сих пор не могу выбраться и даже госпожа Венера не в силах помочь снять проклятие, наложенное темной эльфийкой.

– Ты пей чай, пей, цветочек! – госпожа заметила, что на эмоциях я даже не притронулась к ароматному напитку. А василек, между прочим – моя волшебная палочка. Мой тотемный цветок, моя защита от зла. Недавно мы лишились двух сестер из моего, пятого круга, поэтому госпожа Венера так обеспокоена вопросами нашей защиты.

– Да мне бежать пора! Господин Лорис уже заждался! А я еще пирожные не разнесла! Как узнала, что у вас появились новости по моему делу, так сломя голову и прибежала. А, оказывается... Оказывается это тупик.

– Тупик – не тупик, не руби сгоряча, Анотариэль. Знание – сила. Если леди Рейнгард говорит, что твое спасение в сердце влюбленного дракона, значит, так оно и есть.

Вот только членовредительство в Гардии запрещено. А каменные и вовсе неприкасаемы! Они хоть и самодовольные да напыщенные, но защищают Гардию от цветных драконов, тех, у кого кроме ярости и желания убивать, никаких других

эмоций и вовсе нет.

– Спасибо, госпожа Венера. Да поможет нам исконная магия!

Я осенила себя круговым знамением и выпила залпом остывший чай.

– Поможет, цветочек. Обязательно поможет. И возьми сироп из цикория, передай господину Лорису для торта с зеленикой!

– Спасибо. Светлых дней! – бросила в лукошко с цветами бутылочку из темного стекла и зачерпнула чайной ложкой варенье из одуванчиков. У госпожи Венеры оно всегда получается необыкновенно вкусным и все благодаря щепотке магии. Господин Лорис не знает о нашей сущности, хотя наверняка догадывается. С того дня, как я стала работать у него курьером и помощницей на кухне и передавать от госпожи Венеры настойки, сиропы да варенья, довольных клиентов у него прибавилось. Даже пришлось расширяться и нанимать второго кондитера.

Я закусила зубами баранку – весь день крошки во рту не было – подхватила одной рукой лукошко с пирожными, другой – кошелку с цветами и побежала на выход.

Пресветлый василек! Я смирилась со своей ведьминской сущностью, но как же сложно порой бывает понять потоки судьбы. У крыльца аптекарской лавки госпожи Венеры ровно пять ступенек. Пять! Всегда так было, есть и будет, потому что место силы ведьм нельзя рушить, ломать или перестраи-

вать. Вот только сегодня, откуда ни возьмись, появилась шестая ступенька. Я не удержала равновесие и, взмахнув руками, вцепилась в проходившего мимо мужчину, но поскользнулась, и мы вдвоем свалились прямо в шоколадные бисквиты со взбитым кремом и помадкой из цикория. Любимые лакомства госпожи Рикитюль – гномихи из портной лавки, которая, кажется, сегодня не дожидется сладкого.

– Святая чешуя! – выругался мужчина, когда на его голову свалилась надкушенная баранка.

Он попытался подняться, но дорогие туфли скользили, размазывая по мостовой масляный крем.

– Простите, пожалуйста!

Скинула туфельки, встала и подставила локоток, чтобы помочь незнакомцу подняться. И без того весь извозился! Даже длинные черные пряди в помадке.

Меня смерили яростным взглядом, под которым я замерла, сгорбленная в три погибели. Дракон! Исконная магия меня порази, самый настоящий дракон! Здесь, на земле, а не в небе. Как я сразу не поняла? Только они носят такие длинные прически с причудливыми косами и драгоценными камнями в них. Судя по чешуйчатым браслетам на запястьях – дракон аметистовый. Зрачок вытянут в тонкую черную линию, окруженную золотисто-фиолетовой радужкой – злится. Так злится, что ему ничего не стоит спалить меня огненным дыханием. Вот и тучи на небе сгущаться начали, а потоков природной магии не вижу... Невероятно сильный дракон!

– П-простите!

Если честно, хотелось жалобно проблеять «мама».

– Это я уже слышал, – фыркнул он, наконец, поднявшись и откинув за спину волосы. Помощь мою не принял.

Черный камзол незнакомца, отороченный аметистовой вышивкой, безнадежно испачкан.

– Я все исправлю! Дайте мне пять минут, я вычищу и верну!

Мою суету остановили колючим взглядом, а затем ловкие пальцы быстро расстегнули потайные крючки. Я протянула руки, готовая исправить случившееся недоразумение, но ткань черным вороном пролетела мимо и угодила прямо в каменную урну возле лавки госпожи Венеры.

– Что вы делаете?!

– Избавляюсь от грязи.

Я, конечно, знала, что драконы к людям относятся как к существам низшего сорта, но не до такой же степени! Эта фраза предназначалась никак не искусно расшитому шелку. Он имел в виду меня!

Ну, ничего! Добро худо всегда переможет, а ведьмы Борхес гордыни не ведают. Я мягко улыбнулась, достала шелковый камзол из урны и, аккуратно свернув его, сложила в корзинку с цветами.

– Это как понимать?

– Эсailleский шелк, – я погладила нежную ткань, чтобы убедиться в своей правоте. Эльфийский. Тончайший. Ред-

кий! – Таким не разбрасываются! Тем более что пятна от масляного крема свести несложно. Не переживайте, я верну вам. Только скажите куда.

Он фыркнул и стиснул зубы. Я ощущала давящую ауру вокруг незнакомца, и сердце сжалось от жалости. Тяжелая ноша у этого мужчины. И участь тяжелая. А еще в его сердце смерч самый настоящий, от которого даже воздух вокруг вибрировал и вспыхивал черными искрами. Вот только причину такой ярости я почувствовать не смогла. Ничего не ответив, мужчина поправил вязки на просторной белой рубашке и пошел прочь.

– Подождите! – я подхватила букет васильков и бросилась следом. – Пойдите!

– Что? – прорычал он грубо, как разъяренный медведь.

– Это вам, – с искренней улыбкой протянула ему перевязанный атласной лентой букетик. Хотела подарить его госпоже Рикитюль, но дракону нужнее. Правда нужнее. Почему – не знаю. В опасности он, а василек он от злых сил защищает.

– Цветы? Мне? Ты в своем уме, человек?

– Возможно, немножечко нет, – еще одна улыбка и, взяв огромную ладонь дракона, я вложила в нее букет и сжала. – Не сердитесь, пожалуйста. В мире и без того много зла.

У дракона от отвращения, дернулась верхняя губа, но аура смягчилась. Ярость отступала, вытянутый зрачок принимал обычную форму, а острые черты лица разгладились. Несмотря на копну черных волос, верхняя часть которых забрана

в хвост на макушке, а нижняя свободно спадает на спину, дракон больше не напоминал хищника.

– Вот видите! Это совсем несложно! Доброта она всех красивыми делает...

Я попыталась убрать ладошку с руки дракона, но он схватил меня за запястье. Всего на миг и сразу отпустил, будто обжегся. Как же горько... Особенно, когда смотрят на тебя так, как дракон на меня смотрел.

Возможно, я бы еще так постояла некоторое время, хотя бы из вежливости, но солнце мигнуло. Точнее, так сперва показалось. Конечно, солнце не может мигать, если не спрячется за облаками или его не закроет дракон. Затем послышался визг, крики и люди кинулись врассыпную с рыночной площади. Все, кроме застывшего в страхе мальчишки лет пяти, на которого тяжелым камнем, потеряв равновесие и кружась по всем осям, падал ящер.

Это хорошо, что я все еще была без туфелек. Только потому и успела добежать, да прикрыть мальчишку собой. Тут же в паре шагов с оглушающим грохотом, посшибав на своем пути палатки с фруктами, рыбой и мясом, свалилась тяжеленная туша. Нас откинуло на несколько метров и засыпало фруктово-мясным дождем, но малышка я держала крепко и успела сплести слабенькое заклинание воздушного щита. Оно хорошо тем, что плетется три секунды, действует пять и распадается, не оставляя после себя следов.

– Ты в порядке?

Дракончик кивнул, а это был именно дракон, судя по вытянутому зрачку.

– Где твоя мама? – прикрывая ребенка собой, чтобы беснующаяся толпа, успевшая отринуть страх и обзавестись интересом, не свалила его с ног.

– Она меня к портнихе отправила, а я увидел рыбку на палочке, хотел посмотреть... И тут... Дракон!

Мальчик вытянул шею, но ничего не разглядев за спинами зевак, побежал вперед. Вот она – разница между людьми и драконами. Первые в большинстве своем после такого убегут прочь.

Вслед за мальчиком, я подошла ближе – вдруг понадобиться моя помощь – но дракона не увидела. На мостовой, в яме из камней и пыли, лежал мужчина, чье тело содрогалось от жутких конвульсий.

Растолкав людей, к нему поспешил тот самый невоспитанный господин. Бросил на землю мои васильки и, склонившись к упавшему, что-то прошептал. Дракон выгнулся дугой, закричал, а в следующий миг из его груди вырвалась темная материя в виде рогатой сущности с красными огоньками глаз. Толпа ахнула, расступилась и бросилась врассыпную. Некоторые, особо нежные, попадали в обморок, а особо стойкие – остались наблюдать за развитием событий. Наблюдала и я, стоя поодаль. Присутствующие сущность не видели, но они чувствовали мертвенный холод, лишаящий рассудка, вселяющий неконтролируемый ужас.

Талдох! Существо нижнего мира второго уровня! Сильная яростная ведьма, которая приходит на призыв другой сильной ведьмы, чтобы выполнить определенное задание. Избавиться от такой непросто. Даже драконам это не под силу, потому что они не властны над нижним миром. Это работа ведьм, а, учитывая, что нас почти всех истребили, талдох может натворить страшных бед и никто ему в этом не помешает! Лишь ведьмы моего клана способны раздвинуть материю, разделяющую миры и вернуть сущность туда, откуда она прибыла.

Вот только талдох – это второй уровень, а у меня всего пятый круг! Пока побегу за госпожой Венерой, он убьет дракона или улизнет! Талдох может вселиться в кого угодно и скрываться так долгие годы! Точнее, почти в кого угодно. Ему необходимо крепкое и здоровое вместилище, способное его выдержать.

Аметистовый дракон попробовал испепелить брыкающееся рогатое существо, но то метнулось к нему и наверняка поменяло бы тело, если бы не мой букет... Заговоренные васильки – сильное средство, а существа нижнего мира не переносят васильки. Букет мгновенно почернел и засох, а талдох, замерев на секунду, кинулся к мальчику, которого я прежде спасла.

Ох, зря я сейчас это сделала!

– Omneus cartades! – слова произносила жестко, вливая всю силу в заклинание материализации.

Хорошо, что в отдалении стояла, а разбежавшиеся в страхе зеваки не заметили моего ведьмовства. Сжав кулак вытянутой вперед себя руки, я резко одернула талдоха, отбрасывая от мальчишки. Существо повернулось в мою сторону и, сверкнув красными глазами на туманно-черном лице, замерло. Тот самый момент, когда ведьма может выбрать себе место для могилы. Тьма заглянула в меня, запомнила и не простит.

Но размышлять некогда. Схватила из лукошка васильковую воду, плеснула себе на ладони и подбежала к мальчишке. Вообще, по всем правилам, талдох должен был кинуться ко мне и разорвать на части, либо попробовать вселиться. У нас был контакт, тут бы даже васильки не спасли. Но вопреки логике, он вернулся в тело умирающего дракона. Словно не мог выбраться из него. Словно все еще был привязан к сумеречному миру. Воспользовавшись замешательством сущности, что уворачивалась от огня аметистового дракона, я умыла лицо мальчишки васильковой водой и приказала:

– Беги домой.

– Но...

– Уходи!!!

Малец хлопнул ресницами, попятился осторожно, а затем со всех ног бросился с рыночной площади. Пока аметистовый дракон сооружал магический кокон вокруг своего сородича, я вспоминала все, что мне известно о талдохах. Это существа второго уровня, которые вселяются в людей, ведьм

или магов, реже в гномов, представителей нижних рас и никогда в драконов и эльфов. Просто потому, что не способны преодолеть их защиту. А тут талдох в драконе, да еще и не может покинуть его тело! Наблюдая, как серебристое магическое плетение вокруг ящера становится больше и плотнее, я поняла, что мой новый знакомый совершает ошибку. Это же гроб получится! Талдох убьет дракона и этой энергии ему хватит, чтобы освободиться от привязки к сумеречному миру и приказу призвавшей его ведьмы.

– Arcades de omnia, – прошептала я, бросаясь на выручку. – Te Lunes Borhes de sha!

Влетит мне от госпожи Венеры, ох влетит, что силу своего круга призвала. Но без нее мне не справиться сейчас. Госпожа почувствует и появится от силы через пару минут. Главное продержаться!

Упав на колени перед умирающим драконом, я оторопела от удивления. Это не просто дракон! Это мой знакомый дракон! Тот самый, с которым я инициацию проходила три года назад! Пресветлый василек, ну и шутки у исконной магии!

– Ты! – хрипло усмехнулся мужчина, дрожа от боли. – Теперь ты сверху, как и хотела...

Ох, я же пьяна была, а еще там тролли и...

Пока он не наговорил всяких глупостей, я накрыла губы дракона своими.

Аметистовый, конечно, пытался меня оттащить от своего сородича, чтоб не пачкала, но заклинание крепко держало

нас, не давая разорвать касание, пока все не закончится. Когда меня оттолкнули, я уже свое дело сделала.

Талдох заметался внутри моего тела, пытаясь вырваться наружу, но у него не было такой возможности. Сила пятого круга ковена Борхес надежно удерживала его внутри меня как в тюрьме. Вот только хватит этой силы на пару минут. Или даже меньше. Все же пятый круг всего... Это не самые сильные ведьмы.

Я поднялась с четвертого раза. Талдох швырял меня на булыжник, шипел внутри разъяренной кошкой, угрожал:

– Ты пожалеешь, Анотариэль Айнари, ведьма Борхес, горько пожалеешь! Но я с радостью полакомлюсь твоей душой напоследок. Какая невероятная удача, деточка!

– Осиль сперва, – прохрипела я, а потом свалилась пятый раз, и мое тело выгнуло дугой. Точно так же, как до этого выгибало тело Абеларда ирд Д’Острафа – изумрудного дракона, свалившегося с небес на землю прямо к моим ногам, словно подарок исконной магии или ее наказание за мои грехи. Мы никогда не должны были больше встретиться. Никогда! А тут... Ох, как же все некстати.

Госпожа Венера появилась вовремя, мгновенно сориентировалась в ситуации, кликнула сестер и те, подхватив меня на руки, понесли в аптекарскую лавку. Сама верховная ведьма ненадолго задержалась на площади, что-то сказала драконам – Абелард уже приходил в себя, – а затем поспешила внутрь и плотно закрыла дубовые двери.

– Ох, цветочек, что же ты натворила? – причитала она, спешно доставая из серванта лавандовые свечи. – Располагайте ее на руническом поле, скорее, девочки! Быстрей, догорает уже!

Сестры перенесли меня в потайную комнату без окон, испещренную самыми важными и сильными рунами ковена. Прежде мне не доводилось здесь бывать, поскольку руническое поле доступно лишь сестрам первого круга. Две из них сейчас делали все, чтобы спасти меня. Я чувствовала, как иссякают силы моего круга, и талдох подбирается к моей душе, желая утащить ее в нижний мир. После этого он сможет занять мое тело и существовать в нем сколь угодно долго.

Сверкнули лунным светом руны жизни и защиты, сестры нараспев читали заклинание изгнания, госпожа Венера расставляла лавандовые свечи, которые одновременно вспыхнули, наполняя помещение сильным бесогонным запахом. Мне очень хотелось понаблюдать за процессом изгнания талдоха из носителя, но некстати этим самым носителем оказалась я сама. Превозмогая боль, я пыталась помочь, исторгнуть из себя чужеродную темную материю, вытряхнуть, но она, словно липкое тесто, цеплялась за меня, не желая изгоняться. Но все изменилось, как только руническое поле наполнилось глубоким хрипловатым голосом верховной ведьмы:

– Orhes, Taldokch! Borhes de sha, omenus ti opri...

Меня обрызгали васильковой водой. Крик едва не разо-

рвал легкие – тело вспыхнуло, словно обожженное живым пламенем. Перед глазами стелилась тьма, и я слышала не то сильный уверенный голос госпожи Венеры, звавший за собой, выступающий маяком для потерявшегося в ночи корабля моей души, не то яростный шепот талдоха:

– У тебя светлая душа, Анотариэль! Я тебя запомнила, мы еще встретимся! Я приду за тобой, моя вкусная девочка! Приду и поглощу твою душу...

Тело напряглось так сильно, что я слышала скрип натянутых мышц и сухожилий, а в следующий миг – небывалая легкость и темнота.

Родовое гнездо ард Нойрманов, Астория

– Ты уверен, что тебе не нужна помощь Цибуса? – аметистовый дракон, еще секунду назад сверкающий драгоценной фиолетовой чешуей, мгновенно обернулся в воздухе и сошел на длинную каменную площадку уже человеком.

– Циббериуса, ты хотел сказать? Чтобы этот колдун мне под хвост заглянул? – усмехнулся Абелард, оборачиваясь следом. – Или чешую позаимствовал, якобы для анализов? Чешуя повелителя изумрудных драконов стоит куда дороже жалких ста золотых! Я ему это долго пытался объяснить, но он почему-то не слушал. Только мычал в ответ...

– Сложно говорить, когда висишь вниз головой с завязанным ртом, – хрипло ответил дракон, широкими шагами на-

правляясь к каменным дверям, ведущим в замок. Его заметно покачивало.

– В прошлый раз его спасло исключительно вмешательство императора. В этот, боюсь, ничего не спасет.

Мужчина остановился и внимательно посмотрел на владыку драконов.

– Ролдхар.

– Идем, – рыкнул тот, не поворачиваясь к другу.

– Что происходит?

Аметистовый дракон резко вскинул голову и посмотрел на Абеларда безумными драконьими глазами, полными ярости и жажды убивать. Плохо контролируемой и требующей немедленного удовлетворения.

– Тебе срочно нужна хранильница.

– С матерью моей спелся? – хищно сверкнули фиолетовые радужки, а по смуглой коже пробежали аметистовые искры, оборачиваясь чешуей.

– Весьма сомнительная честь. Но, если кто-то узнает, что ты не в состоянии полностью сменить ипостась после оборота, тебя сместят. Подумай об этом. Скоро турнир.

Абелард закрыл открытые аметистовым драконом двери и подвел друга к высокому бордюру. Мужчины остановились, глядя вперед с высоты главной башни родового гнезда ард Нойрманов. Отсюда открывался удивительный вид на Асторию. Легко различался императорский замок, блестящий в лучах полуденного солнца золотыми листами крыш,

мерцал защитный купол главной магической академии Гардии, даже сеть дорог, усыпанных повозками и точками людей, сквозь растекающиеся клочья тумана просматривалась отчетливо. А еще – бескрайние зеленые просторы там, далеко-далеко впереди, уходящие за горизонт: изумрудные леса. Родина Абеларда. Его территория.

Тряхнув белокурой головой, мужчина хищно вдохнул свежий воздух и растянул на губах довольную улыбку.

– Как тебе это удастся? – совладав с трансформацией и полностью вернув себе контроль над человеческой ипостасью, поинтересовался владыка.

– Хранительница, Ролдхар. Каждому дракону нужна хранительница. Не я это придумал, не я установил.

Владыка скривил губы. Он понимал, что нужна, но не мог вычеркнуть из памяти Раруш. Эльфийка была предана ему до глубины души. Его души. Своей души. Кажется, она у них одна на двоих была и сейчас Ролдхар лишь бесплотный дух. Бесконечная доброта Раруш, мудрость и спокойствие, умение найти нужные слова в любой ситуации – вот что делало ее особенной. Пожалуй, он даже любил ее, а теперь жалел, что так и не успел поделиться своими чувствами. Впрочем, Раруш наверняка о них знала. Такой хранительницы больше нет, и никогда не будет. А другая ему не нужна. Другую он просто уничтожит, не в силах совладать с исконной драконьей яростью. Испепелит дотла и даже не сможет вспомнить об этом.

– Расскажи мне, что произошло на рыночной площади? – решительно пресекая неудобную для себя тему, потребовал аметистовый дракон.

– Отличный вопрос! Император послал за мной, поскольку второй убитый дракон оказался моим подданным. Я прибыл на место, осмотрел тело, пообедал, а дальше все как в тумане. Мое тело словно мне не принадлежало.

– В тебе сидела какая-то тварь. Придется рассказать об этом Циббериусу. Мы не властны над сущностями – это удел колдунов и чародеев.

Вообще, Абелард хотел поправить владыку, напомнив, что сущностями распоряжаются ведьмы, но предусмотрительно не стал поднимать болезненную тему, опасаясь ярости владыки. Да владыка и сам это знал, но предпочел использовать иные термины.

– Меня другое интересует – как эта тварь в меня вообще проникла? У обеих жертв ни единой травмы. Первый скончался в собственной постели, второй – во время обеда. Тихо-мирно почили, без единого намека на причину смерти. От Аргониуса вообще не ожидал. Хоть бы подсказку какую оставил, сволочь циничная!

– Он и оставил, – Ролдхар приподнял брови и выразительно посмотрел на друга.

– Слишком радикально, друг мой.

– Возможно, он был лучшего о тебе мнения, чем ты сам.

– Это невозможно, – Абелард рассмеялся громко и звон-

ко, а потом добавил. – Если он полагал, что я пересилю эту тварь, то ошибался. Я доходил, Ролдхар.

– Но не дошел.

– Не дошел, – согласился дракон, вновь переводя взгляд на город и выискивая среди сотен черепичных крыш одну-единственную. Ту, под которой сейчас находилась женщина, что спасла его от смерти. Женщина, которую он искал три года и так неожиданно нашел.

Ролдхар проследил за взглядом своего друга. У драконов, в отличие от людей, безупречное зрение, даже в человеческой ипостаси. Рыночная площадь спешно восстанавливалась. Рабочие уже выравнивали мостовую, торговцы чинили свои прилавки и пытались реанимировать товар.

– Ты знаком с той человечешкой, – Ролдхар не смог сдерживать отвращения.

Вот уже десять лет он ненавидит людей, особенно ведьм, особенно ковена Олорэ, к уничтожению которого приложил свой меч. Подлые, циничные, бездушные твари, не ценящие ничего, кроме собственного комфорта и благополучия, ради которого они пойдут на все. Ради которого они лишили его Раруш и отца.

– Знаком. Спас ее три года назад от пьяных троллей.

– С чего бы вдруг такое благородство, Абелард?

– День выдался тяжелым, – улыбнулся мужчина, погружаясь в воспоминания. – Зашел в таверну, пропустить стаканчик-другой изумрудного змея, а там в углу она – девушка

исконной магии одуванчик. Сидит в уголочке, букетик цветочков стеснительно теребит, при этом змея попивает и морщится вся.

Дракон не выдержал и расхохотался, вспоминая столь умилительную картину. На самом деле он залюбовался тогда этим юным невинным созданием: белая кожа, золотистые волосы, большие васильковые глаза, красные от хмеля щеки, припухшие губы. Она так часто их кусала, что половина таверны недобро косилась друг на друга, незримо решая, кто уведет эту красотку наверх. В тот миг он уже знал ответ на этот вопрос. В отличие от других...

– Ну и подсели к этому горю ходячему пять троллей. Давай, говорят, девица, наверх пойдем. Она мнется, жмется, отнекивается, да глазками по таверне стреляет, помощи ищет. А потом на меня вытаращилась и прошептала в слезной мольбе...

– Помогите?

– Да чешуя его поймет, пьяная же была, как кузнец в выходной день. Пришлось допивать и узнать, в чем там дело.

– Значит, когда три года назад тролли моей матери политический скандал закатили из-за того, что некий изумрудный дракон оторвал детородный орган их наследному принцу, это было из-за человечешки?

– Ролдхар, Ролдхар, не понять вам, аметистовым, что такое зов плоти! Ну, в смысле, видел бы ты ее.

– Я ее видел. Ничего примечательного.

– А вот принц троллей оценил! Порой мне кажется, что сердца у тебя вовсе нет. Да, хозяйство я ему оторвал, хоть и отрывать было нечего, но голову-то оставил. Я, говорит, Барбитиус какой-то по счету, сын кого-то там не запомнил кого, но очень важного и очешуительного. Ну, раз такое дело, думаю, Ролдхара подставлять не стану. Ирда Нойрман женщи-на впечатлительная, ей потом со всем разбираться. Дернул полурослика за сморчок, а тот возьми и отвались. Но другим, да, головы поотвинчивал.

Ролдхар усмехнулся и укоризненно покачал головой. Его мать тогда едва не поседела, требуя лишить Абеларда должности повелителя, уверяя, что тролли такого оскорбления век не забудут. Как оказалось, троллий век короток и уже завтра тот самый наследный принц, Барбитиус пятый, явится с делегацией для заключения контракта на защиту от цвет-ных драконов.

– А синеглазка-то мне тогда сказала, что оплатит за по-мощь, – к удивлению для самого себя вспомнил Абелард. – Я ведь из-за чего тогда нервный был. Хариду съел. Случайно вышло, так неудобно...

– Пятую заклинательницу подряд?

Изумрудный развел руками:

– Как хранительница, конечно, так себе была. Одно хо-рошо, в отличие от других изжогу после себя не оставила. Вот за это ей отдельное спасибо. Но это я к чему. Император Аркхарган объявил отбор хранительниц, и мы с тобой будем

почетными его участниками.

– Исключено, – Ролдхар мгновенно напрягся, но тут Абе-лард утратил веселость и холодно посмотрел на друга.

– Я тебе сейчас официально заявляю. Если ты в ближай-
шее время не найдешь хранильницу и не обуздаешь дра-
конью сущность, я доложу совету и посягну на должность
владыки. Нам не нужен новый безумный ящер, Ролдхар. Тем
более, такой сильный и опасный, как ты. Мы и без того едва
с ними справляемся.

– Это угроза? – владыка стиснул зубы, а его зрачки вмиг
вытянулись в опасную узкую нить.

– Это вызов, – вздернув подбородок, объявил изумруд-
ный, а затем добавил, вернув на лицо улыбку: – И, кстати.
Я намерен побеседовать с той девчушкой, что спасла меня и
предложить ей изумрудный кристалл.

– Человечишка в хранильницах?

– Расслабься, аметист! У людей есть неоспоримое пре-
имущество – они изжогу не оставляют, если психанешь. Про-
верено!

И уже удаляясь, дракон бросил:

– Отчет по убитым и сегодняшнему инциденту вечером
направлю с посыльным. А сейчас погляжу, что там твоя мать
на обед заказала. У ирды Нойрман отличный вкус и всегда
найдется ящик-другой мухоморов в запасе для лучшего дру-
га своего сына. А ты дыши, дыши! И подумай над моими
словами. Я серьезно, Ролдхар.

Дракон едва сдерживал свою ярость. Абелард неоднократно спасал жизнь владыке, верно и преданно служил ему чуть больше половины века, исключительно заслуги спасали его от гнева владыки. Но изумруд прав. Десять лет – долгий срок. Пришла пора расставить все по местам и раздать свои, аметистовые кристаллы.

Аптекарская лавка госпожи Венеры

Я резко села на кушетке и не сразу поняла, где нахожусь, и что происходит. Медленно обвела взглядом гостиную: небольшую уютную, со старенькими бумажными обоями в мелкий цветочек, круглым обеденным столом и семью деревянными стульями – по одному для каждой сестры, живущей здесь. На белоснежной скатерти вышиты имена. Я мечтала, чтобы однажды на ней появилось и мое имя...

– Очнулась!

Мягко скрипнула старенькая дверь. Уже давно говорила верховной ведьме, что господин Пенован – лучший плотник Астории – задолжал мне услугу, и в любое время сможет исправить этот пустячок, но госпожа Венера улыбалась всегда и отвечала, что у каждой скрипучей двери свое предназначение.

Спустила ноги на пол, нащупала мягкие туфельки без каблука и надела.

– Я выдала себя?

Госпожа Венера улыбнулась, протянула мне травяной от-

вар – цикорий, василек и мальва – и присела рядом. Всегда удивлялась выдержке и спокойствию этой потрясающей женщины. Мой поступок поставил под угрозу всех сестер, я это прекрасно понимала, но она не сердилась. Знала, что по-другому я поступить не могла.

– Давай порассуждаем, – предложила женщина, погладив меня по спине. – Видел ли кто-то, как ты читала заклинание материализации духа и одернула талдоха от мальчика?

– Видимо, вы видели, раз знаете об этом, – я отставила кружку, но верховная ведьма погрозила мне пальчиком. Пришлось допить неприятный на вкус, но такой нужный сейчас отвар. Он восстанавливает силы, потраченные организмом на борьбу с темной материей. Меня действительно слегка лихорадило, а горячая глиняная кружка едва не выскальзывала из рук.

– Не видела. Предполагаю. Талдох не вселился в тебя, хотя тело ведьмы – наиболее привлекательноеместилище. К тому же, ведьмы, которая себя выдала. Если талдох не вошел в тебя, значит, имел определенный приказ.

– Драконы?

– Драконы, – согласилась ведьма.

А мне казалось, что он привязан к телу и не мог его покинуть. Ошиблась. Он ведь действительно пытался вселиться в другого дракона и того мальчика.

– Мы с сестрами побеседовали с горожанами. На площади в момент нападения было три дракона: аметистовый, изу-

мрудный и тот маленький мальчик, еще не получивший зверя. Самая лакомая и доступная жертва. Святая душа младенца.

– Я действительно не дала талдоху вселиться в него. Стояла поодаль, шептала негромко, рядом со мной никого не было...

– А второй дракон? Как ты спасла его?

– Подарила васильки. Перед нападением.

Госпожа Венера кивнула. Вообще, от талдоха васильки, конечно, не спасут – слишком сильный дух. Это как защищаться от дикого зверя книгой... Пару раз укусит книгу, а потом – тебя. Василек выставляет слабый магический барьер, который падает при первой же попытке его преодолеть. Однако и этого оказалось достаточно, ведь сущность паниковала.

– Выходит, талдох предпочел вернуться в тело изумрудного дракона, откуда ты его перетасщила в себя. Дракон обязан тебе жизнью. Ты правильно поступила, цветочек. Неосмотрительно, но тебя вела сила рода. Такова суть ведьм Борхес – мы помогаем другим, даже рискуя собой. Мы те, кто мы есть, и бороться со своим предназначением бессмысленно. Жизнь дана на добрые дела, поэтому лучше прожить меньше, да лучше.

Когда госпожа Венера о чем-то глубоко задумывалась, она всегда проговаривала прописные истины. Сила ведьмы – в ее слове, поэтому мы привыкли в первую очередь контроли-

ровать то, что говорим, ведь неосторожно оброненная эмоциональная фраза может привести к чьей-то смерти.

– Как вообще получилось, что талдох в дракона попал. Это же... Это невозможно!

– Василек, на то, что кажется невозможным, необходимо много сил и невероятная находчивость!

Если кто-то настолько силен и поразительно находчив, чтобы преодолеть защиту драконов от сущностей нижнего мира, то мне откровенно боязно за Гардию!

– И что нам теперь делать?

– Ждать, цветочек. Только ждать. И смотреть по обстоятельствам. Реши ты сейчас бежать – непременно привлечешь внимание колдунов. Скоро тебя захотят допросить драконы. Говори мало и по делу, старайся не обманывать.

– Я вас поняла, – отставила уже пустую кружку. – Вам удалось допросить талдоха? Кто призвал его?

– Удивительное дело, василек. Вне тела дух не прожил и пяти минут, даже не пытаясь вселиться в нас. Единственное, что нам удалось выяснить – призвали его для убийства ведьм.

– Ничего не понимаю! Почему он тогда пытался вселиться в драконов, ведь почувствовал меня сразу?

– Правильный вопрос. Правильный, но, увы, безответный пока.

– Госпожа Венера, – я задумалась, формулируя мысли. Талдох – существо второго уровня, следовательно, призвать

его могли только ведьмы Борхес первого или второго круга. Лишь мы можем вытащить душу из-за грани. Сотхо на это не способны, а другие кованы давно уничтожены. – Неужели... Неужели это сделал кто-то из сестер?

– Не знаю. Мне страшно о таком думать, но я уже оповестила первый круг. Завтра мы выясним, кто мог призвать талдоха, и почему нам не удалось...

Скрипнула дверь прежде, чем появился незванный гость. Мы резко замолчали.

А ведь музыка ветра, что висела на входе, даже не среагировала. Такое в одном случае бывает – когда входит слишком сильная магическая сущность. Таких всего три: эльфы, драконы, духи первого уровня – эссары. Эсаил очень далеко и эльфов в Гардии можно по пальцам пересчитать, духи не проникнут в лавку госпожи Венеры, только в чьем-то теле если, а вот драконы... Все эти мысли промелькнули в моей голове за каких-то четверть секунды и все спасибо скрипнувшей двери, позволившей вовремя прервать компрометирующий разговор.

– Замечательно! – воскликнул дракон и у меня сердце замерло. Исконная магия! Только не он! Ну почему? – Безмерно счастлив, что застал вас именно здесь и вызвал такую гамму эмоций.

– Госпожа Венера дала мне успокоительный отвар. Я переставала волноваться от увиденного.

– Мне нужно побеседовать с вами. Наедине, – и взгляд

такой, что в душевной комнате вмиг похолодало.

Я поежилась, а госпожа Венера кивнула, обращаясь ко мне:

– Цветочек, ты лучше правду говори. Не таи ничего. А вы, милорд, поберегите нервы бедной девочки. Ей волноваться нельзя.

Я поняливо и с благодарностью кивнула, провожая верховную ведьму тревожным взглядом. Госпожа Венера всегда знает больше, чем остальные. Многие драконы чувствуют ложь, настолько остро, что их не проведет самый искуснейший лицедей. Впрочем, осознав смысл последнего предложения, залилась густой краской.

– Не беременна, – констатировал ирд Д’Остраф с порога, а затем по-хозяйски взял орешниковый стул, развернул его спинкой вперед и оседлал, как послушного коня.

– Нет, милорд, – опустила взгляд на подол платья, разглядывая не то алые лепестки вышитых маков, не то исколотые пальцы. Ведь не просто маки. В них вшиты защитные узоры от магии колдунов.

– И от меня не понесла?

Щеки обожгло с новой силой. Почувствовала себя каменной, на которую кипятка плеснули. Дракон ехидно усмехнулся и положил подбородок на спинку стула, чтобы заглянуть в мои глаза. Но сложно заглянуть в глаза, которые в пол смотрят. Хороший такой пол, добротный. Мастер гном господин Пенован стелил, а доски у плотника Ермолая брал. Все зна-

ют, что у Ермолая самая лучшая в Астории древесина, его лесопилке друиды покровительствуют! Люди – они лучше простую работу выполняют, а гномы – искусную.

– Почему же ты молчишь, Урсула? – и с такой издевкой имя мое произнес, которым я три года назад представилась, что сразу ясно стало – знает настоящее. Все знает.

– Вы пугаете меня, милорд.

– Перестань называть меня милордом.

– Хорошо, милорд, – подняла взгляд, но тут же опустила обратно. – Хорошо.

– А тогда ты не была такой робкой. Помнится, мы даже на «ты» перешли. Сразу после того, как ты рычать начала и за шею меня укусила.

– Я была пьяна! – возмутилась шепотом, словно совершила что-то срамное и теперь стыдилась этого.

Хотя, почему же словно... Именно так все и было. И срам, и стыд. Но кто же виноват, что исконная магия так распорядилась? Ведьмы Борхес проходят инициацию с драконами либо не проходят вовсе. Я вот прошла. До сих пор гадаю, как мне это удалось...

– И совершенно ничего не помню!

– Правда? – хищно сузились изумрудные глаза. Так, что сразу поняла – видит мою ложь.

– Хорошо, помню. Но всей душой мечтаю забыть. Это была ошибка, ирд Д'Остраф. Страшная и досадная ошибка.

– Но при этом приятная, не так ли?

Ну, какой воспитанный мужчина станет спрашивать женщину о подобном? У меня не было ухажеров. Настоящих, чтобы любовь, бабочки в животе, в голове солнечный ветер, а в груди ласковое тепло. Не было. И сравнивать мне произошедшее не с чем, потому что я не падшая женщина. Кроме лорда дракона мужчин в моей постели не было. Но, справедливости ради, необходимо заметить, что мне с Абелардом несказанно повезло. Сестры рассказывали о жестокости и ненасытности своих драконов, о крови и разрывах, которые потом долго заживали. Этого я не познала. Отчасти потому, что много выпила и мало помнила, отчасти потому, что ирд – из высшей аристократии, такой глумиться над женщиной не станет, ну и третий аргумент – ровно в полночь из его постели я исчезла...

– Можешь молчать, вижу, что приятная. Ты лучше мне другое скажи. Три года мучаюсь над разгадкой. Куда, а главное – как, ты исчезла в ту ночь?

И вот что мне на это ответить? Правду и только правду.

– А меня муж домой позвал, я и пошла.

Пусть мы с графом Братстоном официально и не обручены, но живем под одной крышей, спим в одной комнате и куда более пристойно считать его своим мужем, нежели объяснять настоящую причину подобного непотребства. К тому же, дракон лжи не почувствовал.

Видели оторопевшего дракона? А я видела. И так жаль в этот момент стало, что нет под рукой холста, или хотя бы

блокнота, чтобы набросок сделать. Невероятное зрелище. Из разряда сердца влюбленного дракона.

– Что ж. Поздравляю, – хищно произнес ящер, выпрямляясь и ныряя рукой в карман расстегнутого камзола.

– С чем, мило... с чем поздравляете?

– С разводом, – дракон взял мою ладонь и вложил в нее большой граненый изумруд. В чарующих отблесках мерцала золотистая цифра один.

Все знают, что означает драгоценный камень овальной формы, подаренный драконом: тебя выбрали для прохождения испытаний и обучения должности хранительницы драконов. Учитывая, как часто последние погибают, нередко в недрах желудка собственных хозяев, получить такой камень считается страшным несчастьем. И это горе тем больше, что отказаться от столь сомнительной чести не представляется возможным. Отказ настолько невозможен, что даже брачные узы разрываются с получением камня. Такая женщина, а это чаще всего именно женщина, считается призванной на службу императора и права на семью не имеет. Она обязана посвятить себя и свою жизнь служению своему милорду.

– Милорд... – испуганно прошептала я.

– Абелард. Только Абелард. Еще раз назовешь милордом – откушу тебе что-нибудь. С большим удовольствием.

И улыбка такая, что сомнений не возникло – откусит. Посчитав вопрос с отбором решенным, он перешел к тому, ради чего действительно пришел сюда.

– Что ты делала на площади?

– Шла к госпоже Рикитюль, ми... мимо рыночной площади, – вовремя спохватилась, получив в ответ одобрительную улыбку.

Госпожа Венера всегда учила: слово – сила ведьмы. Когда нельзя соврать – говори правду. Врать она разрешала, но исключительно во спасение. Сейчас как никогда мне нужно было спастись, вот только дракону не соврешь. Уличит – уничтожит на месте. Не стоит обольщаться его шутивым взором и манерой общения.

– Как ты спасла меня? Что ты сделала?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Абелард поджал губы и, развернув стул нормально, сел так, чтобы склониться ко мне совсем близко. Непозволительно близко! Наши колени почти касались друг друга, а отодвинуться некуда.

– Я умирал. Ровно до твоего поцелуя, – пауза в ожидании моих объяснений. Но я смотрела на дракона с добротой и покорностью, внимательно слушая и тем самым нервируя. Но это даже хорошо, даже на руку. – Зачем ты меня поцеловала?

– Вы умирали!

– Тебе говорили, что логика у тебя довольно... эклектичная?

– Женская логика, – улыбнулась, извиняясь, что приходится юлить. До чего же это ювелирное искусство – отвечать на вопросы дракона правду, но при этом не говоря правды!

– И часто ты целуешь умирающих драконов?

– Вы у меня пока первый.

– Восхитительно! – негромко произнес мужчина, вскинув брови, а затем достал из камзола почерневший цветок из букета, подаренного мной тому сердитому аметистовому дракону. – Что это?

Это хорошо, что букет почернел. Васильки же заговоренные были, на них оставался рунический след. А вот попытка талдоха напасть привела руны в действие, и от них не осталось и следа. Даже самый сильный колдун не найдет магической составляющей, потому что в цветах ее больше нет.

– Василек.

– В лавке госпожи Венеры множество ядов, – скрежетнул изменившийся голос. Дракон многозначительно посмотрел на сервант позади меня. Он каким-то особым чутьем безошибочно определил местонахождение сильнейших зелий, смертельных для здоровья в больших количествах и имеющих противоположный эффект в малых.

– Вы желаете мне смерти?

– Ну что ты! Скорее ты меня до смерти доведешь своими ответами. Видишь? Уже глаз дергается. Я не уйду, Анотариэль, пока не получу то, за чем пришел. Что это?

Заговоренный василек, который помешал талдоху вселиться в тело второго дракона и убить его. Я ведьма, если что. Борхес. О, это у вас меч? Чтобы голову мне отрубить?

– Цветок из букета, который я подарила аметистовому

дракону.

– Ты... Ты подарила Ролдхару цветы?

Изумрудный дракон смотрел на меня, не моргая, а затем рассмеялся. Так звонко и от души, что на моих губах невольно растянулась улыбка.

– А он?

– Ему не понравилось.

Смех повторился. Мужчина словно силился представить себе картину, но никак не получалось.

– Анотариэль, странная ты моя женщина. Зачем ты подарила цветы незнакомому мужчине, да еще и дракону?

Потому что видела его ярость и хотела смягчить ее. Потому что чувствовала опасность, поджидающую дракона и хотела уберечь. Сделала это единственным доступным мне способом.

– В знак извинения за то, что испачкала его камзол масляным кремом. И за удар баранкой по голове. За баранку особенно стыдно!

Абелард долго смотрел на меня, а потом молча поднялся и покинул комнату. Вскоре я услышала мягкий перезвон музыки ветра, как закрылась входная дверь и аптекарскую лавку укутала тишина. И дышать сразу стало легче. Неужели все обошлось? Вот только камушек изумруда, холодящий ладони, говорил об обратном. Не обошлось. И не обойдется. Но, возможно, это потоки исконной магии и следует к ним прислушаться?

Перезвон музыки ветра... На драконов она не срабатывает.

Я осторожно поднялась и вышла из гостиной в торговый зал, чтобы посмотреть, кто пришел.

– А, Василечек! Пришла в себя, голубушка? – улыбнулась госпожа Идрис – почетнейшая повитуха в главной больнице Астории. Через нее, поговаривают, увидели свет многие достопочтенные господа Астории, даже сама фрейлина императрицы! Госпожа Идрис – человеческая женщина с удивительно светлой душой и неискоренимой любовью ко всем живым существам. И ни капли магии в ней, хотя самое то Борхес стать. Но наученных ведьм – единицы. Страшно сегодня ведьмой быть, могут голову отрубить просто так – для профилактики.

– Пришла, госпожа Идрис, спасибо.

– Я на рынок после работы шла, так весь город только и говорит о том, как Василек сына драконицы Гронрух спасла!

– Не знаю, кто это.

– Как? Она в гнезде ард Нойрманов хозяйством заведует! Сынишку отправила к портнихе, гномихе Рикитюль с поручениями, а он, зевака, возьми да на рынке застрянь! Если бы не ты, Анотариэлюшка, ох, беда бы была бедушка.

– Я рада, что все обошлось!

Вот только для других, но не для меня. Что мне делать с кристаллом дракона? Отказаться от участия в отборе нельзя, а участвовать в нем себе дороже. Наверняка там будут кол-

дуны, а они – единственные, кто может распознать ведьму. И что делать с госпожой Рикитюль? Она ждет пирожные, а они все по мостовой да по камзолу дракона размазаны. Камзол!

– Ой, простите. Мне бежать надо, там вещи мои...

– Да тут все. Я как васильки в кошелке увидела, сразу поняла – твоя она. Прихватила, да госпоже Венере отнесла. Она как раз за каплями ушными в подсобку ушла. Стара я стала, Василечек, стара. Сегодня роды принимала у императорской поварихи, она, бедная, так от боли мучилась да крЮчилась. Кричит «сделайте эвтаназию, сделайте эвтаназию!». Какую, говорю, вам эвтаназию? Еще жить да жить, пятерых родите, там у вас драконова пещера, пешком пройдут! У вас, говорю, ребенок, а не смертельная болезнь. А потом мне помощница-то и подсказывает: госпожа Идрис, она анестезию просит, а не эвтаназию.

Я от души расхохоталась. Госпожа Идрис всегда рассказывала так живо и задорно, что невольно все вокруг заслушивались. Это, поговаривают, из-за троллей в родословной. Те могут часами рассказывать истории даже незнакомцам, лишь бы слушали. Вот и сейчас, два постоянных клиента присоединились к нашему веселью.

– И что, все хорошо с ребеночком-то? – поинтересовалась госпожа Лагида – жена главного архитектора.

– А то как же! – довольно причмокнула госпожа Идрис. – Не первый раз дракона принимала! Крупный мальчик, пухленький, розовощекий! Хрраном нарекли. Пополнение у

сапфировых!

– Откуда же у человечки дракон в лоне? – изумилась я, забирая свои корзинки.

– Знамо дело откуда, – усмехнулась госпожа Лагида, но я не смутилась, меня другое интересовало.

– Разве может у дракона и человека дракон родиться?

– Выходит, что может, – повитуха пожала плечами. – Скажу вам по секрету!

Женщина перешла на шепот и клиенты, а вместе с ними и я, подались вперед.

– У них в последнее время беда какая-то творится с продолжением рода. Меня на консультацию в гнездо ирд Зорграхтов приглашали месяца как четыре тому назад. Да, да, и я удивилась! Сам повелитель сапфировых драконов, представляете?

– И что? Что там? – у Сагиты, дочери госпожи Лагиды, даже глаза загорелись.

Сегодня почти каждая в Астории мечтает стать драконовой невестой, ведь все драконы богатые и при власти. Не понимают, неразумные девицы, что деньги – они приходят и уходят, а с человеком и только с ним коротать вечера и делиться сокровенным. С властью и титулом не поговоришь, от них тепла и поддержки не получишь. Да, к тому же, чем на тебе богаче платье, тем толще маска собеседника. Ты никогда не узнаешь, что он в действительности о тебе думает. Я этого в доме графа Братстона в свое время насмотреться

успела...

– Оказывается, зачинать не получается! Даже с родовыми артефактами! Дочка евойная – Асгадалия, с мужем уже полтора века пытаются и все без толку. Меня, как независимого специалиста пригласили, всяких магов и лекарей у них перемывало – не счесть. Осмотрела я ее и, скажу вам, не видать ей драконов!

– Бесплодна? – я ахнула.

Разве можно придумать большую беду для женщины, чем невозможность познать радость материнства? Никогда не ощутить, как в твоём животе бьется самое родное в мире сердечко, рождается новая жизнь! Это... Это ужасно!

– Абсолютно, – кивнула госпожа Идрис и горестно вздохнула.

– Странное дело, – задумалась госпожа Лагида. – Вчера к моему мужу – главному архитектору Астории, – с гордостью добавила женщина, раскрывая веер, украшенный драгоценными камнями и обмахиваясь им исключительно из жажды хвастовства, – приходил ирд Зорграхт. Супруг Асгадалии как раз. Видный мужчина, скажу я вам, очень видный сапфировый дракон.

Она многозначительно посмотрела на дочь. Видимо, сожалела, что такая партия досталась не ее кровиночке. Сама Сагита сделала страшные глаза, заставляя матушку сменить направление разговора.

– Так вот хвастался, что жена его как три месяца под серд-

цем дракона носит!

– Да быть того не может! – всплеснула руками повитуха. – Точно знаешь?

– Муж не стал бы обманывать! Он не сплетник, сами понимаете, – авторитетно заявила госпожа Лагида.

В этот момент из подсобки вышла верховная ведьма с ушными каплями, а я попрощалась с присутствующими и выскользнула на улицу.

И слава исконной магии, что у драконицы все получилось! Я очень за нее рада.

Настроение после встречи с госпожой Идрис хорошее стало. Ласково светило солнце, а с рынка доносился аромат жаренной в ольховых ветках рыбы и печеных яблок с карамелью и корицей. Не удержалась и по пути к гномихе купила себе яблочко на палочке и стаканчик райса. Райс – напиток, неподвластный времени, на основе порошка цикория, с терпким бодрящим вкусом и множеством добавок. Мой любимый – со сладким сиропом из зеленики и в этот раз я не смогла удержаться.

К лавке портнихи подходила сытая и довольная. Даже необходимость доплатить Лорису за пирожные уже не портила настроение.

Из огромных стеклянных витрин на меня смотрели манекены в модных нарядах. Слева – для мужчин, справа – для женщин. Толкнула тяжелую дверь, звякнули колокольчики – магические оповестители. Вот уже как пять лет, с года крас-

ного жнеца, повсюду в Астории такие колокольчики висят. Если он звенит, значит, все хорошо, если молчит, значит, пожаловала сильная сущность, а уж если он звонит без остановки – в доме ведьма или колдун. И, если вторые опасности не представляют, то первые должны быть схвачены и обезврежены. Почему же колокольчик не звенел сейчас? Колдун, который придумал эту систему оповещения, явно плохо осведомлен о наших возможностях. Колокольчик реагирует на уровень магических сил, а у ведьм он минимальный. Наша сила – в душе, слове и знании, а не магическом резерве.

– Анотари! Душечка! – госпожа Рикитюль, раскинув широко руки, поспешила ко мне.

Упитанная гномиха с огромной грудью, аккуратно лежащей на внушительном животе, сжала меня в мягких и очень жарких объятиях, крепко прижавшись щекой к моей груди. От нее пахло кожей и льном. Вероятно, верхнюю одежду мастерит.

– Извините, госпожа Рикитюль, я сегодня только одно пирожное донесла. На площади случилось...

– Да знаю я, знаю! – она полезла в мошну, выудила две серебряных монетки и привычным движением нырнула рукой в мою корзинку. – Все уже знают! Такое дело! Василечек мальчика спасла!

– Вы слишком много даете, госпожа. Там только одно пирожное, остальные просыпались...

– Бери, Анотари, бери, – откусывая уцелевшее лакомство

и блаженно зажмурившись, причитала гномиха. – Это тебе щедрая плата за доброе дело. Драконица Гронрух – мама спасенного тобой малыша – моя постоянная клиентка. Как узнала, что мы знакомы, так и сказала: «Айса, ты мне Анотари в замок пришли. Пусть лучших пирогов принесет и торт с зеленикой и белым шоколадом, я ее отблагодарить хочу».

– Деньги я не возьму, госпожа Рикитюль, вы же меня знаете!

Что правда, то правда. Мой принцип знали все в Астории, потому гномиха обменяла монетки на десять медяков и улыбнулась. За свою помощь я всегда беру услугой или ответным добрым делом. Ведьмы Борхес никогда не принимают денег. Деньги душу развращают. Когда добрые дела делаются ради выгоды, добрыми они уже не являются.

– И от драконицы Гронрух мне благодарность принимать не за что. Я стояла ближе всех к мальчику, потому и успела помочь.

– Все-то у тебя просто, Василек, – доев пирожное, Айса вытерла руки о полотенце и внимательно на меня посмотрела. – Говори, чем я могу тебе помочь?

– У меня есть камзол, из дорогого эльфийского шелка. Он случайно в масляном креме от ваших пирожных испачкался, когда я упала...

– Дай-ка сюда.

Гномиха надела на нос круглые очки и, уложив объемную грудь на низкий дубовый стол, расстелила на нем камзол,

внимательно рассматривая масштаб катастрофы. Я примерно представляла, как свести пятно, но уж очень боялась испортить ткань. Эсаильский шелк, как-никак.

– Баснословно дорогая вещь, Василек! Знатному господину принадлежит.

– Это камзол дракона, – подтвердила предположения гномихи. – Вы сможете помочь?

– В два счета, дорогуша! Сода, чернильный порошок, вода, утюжок и магия рук госпожи Рикитюль!

Она задорно подмигнула и указала на низкое кресло, предлагая расположиться и подождать. В ожидании плела васильковый венок, раздумывая над словами гномихи. Стоит ли идти в гнездо ард Нойрманов? Все же это замок владыки драконов! Не просто повелителя какой-нибудь стаи, а владыки всех-всех чешуйчатых! Говорят, он очень скор на расправу, яростный и злой, как бык! Пожалуй, я пироги драконице лучше с Оськой отправлю. Он парень бойкий, к тому же, просто человек. Ему без страха можно в логово драконье сунуться. А мне, ведьме, поостеречься следует.

Айса вернулась быстро.

– Держи, Василек! Словно и не было ничего!

– Спасибо, госпожа Рикитюль! Это вам, – водрузила на смоляные кудри женщины васильковый венок и тепло улыбнулась. Защитой будет. Недавно на юге Астории еще одна портная лавка открылась и вся синими маками поросла. Злая женщина там заведует, может госпоже Рикитюль навредить.

Защита лишней не будет!

Аккуратно сложила камзол и выходила из лавки, твердо решив, что в гнездо к драконам не пойду, но меня остановила гномиха.

– Постой, Анотари! Забыла совсем! Ты карточку-то возьми и в гнезде к служебному входу иди. Там тебя сегодня к вечеру ждут. Говорит, важные гости какие-то, очень хочет их вкусной выпечкой побаловать! А я сразу сказала, у пекаря Лориса, где наша Василек работает, самая лучшая выпечка во всей Астории! Так что ты поспеши, девонька, не подводи гномиху, я ведь обещала, что придешь!

Ох! Теперь отнекаться не получится. Сжала в руках золотую карточку драконицы и поспешила в пекарню. Солнце уже планировало вальяжно клониться к вечеру златоглавым господином, а до гнезда в гору нужно повозку нанимать – мне с пирогами не подняться. Вернее, подняться я смогу, но уйдет уйма времени и к ужину никак не успеть.

До пекарни бежала с прытью молодой лошадки – не хотелось гномиху подвести. Обычно я разношу пирожные медленно, уделяя внимание каждому клиенту, узнавая, как у них дела, помогая, втайне от них, решить многие проблемы. В чем предназначение ведьмы? В помощи людям. Ведьма – это ведающая мать. Госпожа Венера многое мне рассказала, многому научила. Не обязательно быть ведьмой, чтобы навести порчу или проклясть кого-то. Но устранить последствия под силу только нам. Злость, зависть, ревность, обида. Каза-

лось бы, обыденные человеческие эмоции, а на деле – сильнейшие энергетические потоки, которые могут и до смерти довести.

Вот, например, Талия – дочка кузнеца Мефодия, первая красавица, доброй души человек, а умница какая! К тому же, магический дар у нее открылся. Все прочили ей блестящее будущее на колдовском поприще, но в один миг начала таять, да так стремительно, что все лекари руками разводили, а колдуны на ведьм пеняли. Я как раз мимо проходила, видела, что все мальвой желтой заросло – это значит, что светлой души человек за грань отойдет совсем скоро. Не удержалась, зашла, чтобы проводить. Если не проводить правильно – застрять между мирами может. А там она – Талия – лежит на кровати, белая, как скатерть, дышит через раз, а вокруг нее руны черные и зеленые. Но никакое это не проклятье! Зависть – лютая, злая плитой могильной ее к земле тянет. А уж сколько раз ей смерти за глаза желали, судя по количеству знаков – и не сосчитать. Когда Мефодий вернулся со двора, мы с Талией уже за столом сидели и чай пили. Васильковый. С тех пор мы хорошие подруги, а желтая мальва под их окном покраснела. Я отвела от девушки злой глаз, подарила подвеску простенькую из бересты – оберег. Уже несколько месяцев прошло, а Талия, умница прилежная, собирается в главный магический университет Гардии поступать.

– Привет, Василек. Забежишь на чаек? – бойко крикнула Талия, помахав мне рукой. Она сидела с книгой в летней

беседке но, увидев меня издалека, поспешила к невысокой деревянной оградке.

– Прости, сильно опаздываю! Мне в гнездо ард Нойрманов к ужину пирогов отнести велено!

– Поспеш! – она отодвинула мешающий подсолнух и поделилась новостью: – Отец говорил, что сегодня извозчики раньше заканчивают – у них в конце месяца осмотр лошадей и подковка. В гору высоко подниматься, как бы тебе не опоздать.

– Спасибо!

Побежала с еще большей прытью, благо, пекарская лавка сразу за углом от дома кузнеца Мефодия располагалась. Господин Лорис – высокий коренастый мужчина с короткими волосами и добрыми карими глазами, встретил меня, как всегда, с широкой улыбкой. Поправив все время съезжающий на лоб колпак, он сходу воскликнул прямо из-за прилавка:

– А вот и наша спасительница!

Немногочисленные гости (наши клиенты предпочитают получать пирожные и выпечку на дом и в кафе обедают не часто) обернулись и, увидев меня, отблагодарили аплодисментами. Я заметно смутилась – ведь правда ничего такого не сделала и, благодарно поклонившись, поспешила скрыться на кухне.

– Всем райс с сиропом зеленики за счет заведения! – щедро распорядился господин Лорис и подавальщицы поспеши-

ли выполнять его поручение. Сам мужчина последовал за мной на кухню.

– Господин Лорис, я большую часть пирожных обронила, когда падение дракона приключилось. Госпоже Рикитюль донесла лишь одно. Вычтите, пожалуйста, убыток из моего заработка, – выложила на стол монетки гномихи.

– Ты мне лучше скажи, как ты? Все хорошо? Не поранилась? Работать сможешь или нужно выходной дать?

– Не нужно выходных, спасибо! – как представляю, что никуда идти не понадобится, так страшно становится. Сидеть в доме графа Братстона, с ним, дышать одним на двоих спертым, отвратительным воздухом... Впрочем, я бы все равно ушла. Просто по городу гулять, лишь бы не находиться там. – А вот что нужно – так это пирогов самых лучших и торт с зеленикой и белым шоколадом! Мне в гнездо ард Нойрмам отнести, для званого ужина.

Прежде мы для гнезда пироги не пекли и такой заказ – отдельный вызов. Обычно на изготовление искусных тортов уходит до нескольких дней, а тут такие жесткие сроки! Я выудила из корзинки сироп от госпожи Венеры, переложила камзол дракона и изумрудный камушек в кошелку – чтобы меньше места занимали, а затем убрала все на свою полку в подсобке и подвязала белый фартук поверх своего сарафанчика. В мои обязанности помощь по кухне не входит, но не стоять же без дела?

– Думаю, с рыжиками и луком, а второй с мясом и кар-

тошкой! А еще ваш фирменный – малиновый, со сливочным кремом. Просто пальчики оближешь!

Сказано – сделано. Мы мигом взялись за работу, и уже через два часа я с тяжелой ношей огромных, украшенных плетеным тестом пирогов, тряслась в повозке, которую оплатил господин Лорис. Камзол дракона с собой взяла. Решила, что отдам драконице, а уж она-то наверняка всех важных господ знает, передаст, кому следует.

На этом мои мысли оборвались. Извозчик высадил пассажиров в начале горы и сообщил, что лошади необходимо ехать на замену подковы. Мои спутники не огорчились – мальчишки живо убежали к соседним дворам, кидая друг в друга зрелыми яблочками-дичкой и ловко уворачиваясь от снарядов, а молодая пара, обмениваясь влюбленными взглядами, лениво поплыла наверх и вскоре скрылась за поворотом.

В гнездо я шла одна, но, несмотря на все попытки поторопиться, к ужину явно опаздывала. Корзинки с пирогами и тортом оттягивали руки, а перехватить удобнее нельзя – мягкий бисквит помнется, и тончайшие украшения пирога сломаются. Конечно, на них защита, – простенький артефакт в виде картонных крышек, который спасет от неудачного падения, но рисковать все равно не хотелось. Вдруг действие одноразовое или вовсе артефакт-пустышка? Колдун, продавая такие крышки, обещал долгосрочный эффект, но жизнь показала, что среди колдунов сегодня полно шарлатанов.

Прошла полпути и далеко, точнее, высоко впереди уже виднелся замок, когда поняла, что все – не могу больше. На обочине заметила бревно. Расположилась на нем, положила рядом свою ношу, сняла тапочки и размяла ноги – стерла правую пятку до крови. Идти совсем тяжело, а повозок, как назло, нет. Впрочем, Талия предупреждала, что сегодня их и не будет. Однако вскоре послышался стук копыт, а затем из-за угла показалась карета, запряженная четверкой вороных коней. Карета – не повозка, потому останавливать не решилась. Вдруг это те самые важные гости, которых ждут? Карета дорогая, с бархатом и позолотой, быть может, едет кто-то из дворца, министры или даже приближенные императора?

Проводив транспорт грустным взглядом, я вздохнула – следует идти. Стук копыт замедлился, кони заржали, после чего все стихло. Я решительно поднялась – время не ждет! Гномиха Рикитюль обещала, что я не подведу, и я не подведу. Взвалила на себя тяжелые корзины и услышала раздраженное:

– Госпожа Анотариэль Айнари?

Лакей отворили дверцу кареты, и оттуда вышел тот самый дракон, которому от меня баранкой по голове прилетело. Он был в парадной форме: белоснежный камзол, расшитый золотом, с эмблемой драконьего корпуса на погонах, белые узкие брюки, заправленные в высокие сапоги из тонкой кожи, с широкими золотыми пряжками. Я невольно залюбовалась: чудо, как хорош! Вот только взгляд, полный пре-

зрения, портил впечатление. Так и хотелось взять кисточку, стереть это суровое выражение лица и мягким взмахом нарисовать улыбку.

– Простите меня за баранку! – вспомнилось как-то некстати, но под таким взглядом невольно вспомнишь все свои грехи, даже те, что уже исповедала.

Дракон смотрел с интересом и, похоже, гастрономическим. Слышала я про их пристрастия. Некоторые не гнушались принимать в пищу людей и это даже не возбраняется. Конечно, кто станет связываться с могущественными порождениями исконной магии из-за обычного человека, чья жизнь в рамках империи практически ничего не стоит? Жестоко, бесчеловечно, но как есть... Скушал человека, значит, так нужно было.

– Баранку? – дракон явно не понял.

– Когда мы с вами на пирожных поскользнулись, вам по голове моей баранкой прилетело. Я ведь ничего за день съесть не успела, баранку схватила, выбежала, а там вы и... Неловко так вышло. Говорила мне госпожа Венера: «Василек, не кушай на бегу», так ведь не слушала! Извините.

Дракон приподнял бровь и медленно осмотрел меня с ног до головы. Решал, какую часть откусить первой? В сгущающихся сумерках его мерцающие фиолетовые глаза пугали и завораживали одновременно. Больше, правда, пугали. Черные волосы, сейчас не забранные в затейливую прическу, изящно обрамляли его лицо крупными волнами локонов,

сглаживая острые черты, смягчая их. Или тому виной игра света и тени? Сейчас он определенно казался более привлекательным, чем днем.

— Ах, да! — я поставила на землю корзины и нырнула рукой в одну из них. — Как и обещала — все исправила. Держите!

Протянула дракону аккуратно сложенный камзол:

— Что это?

— Ваш камзол, полагаю. Вы берите, не стесняйтесь.

— Правда? Вы позволяете?

Даже не шелохнулся. Напротив — руки за спину убрал. А ехидства-то сколько! Удивительно, как только не лопнул, переполняет ведь явно.

— Чего уж там. Весь день со мной, от сердца отрываю, — пошутила добродушно, пытаясь разрядить обстановку.

— В таком случае, себе и оставьте. Мне он без надобности.

Неужели так брезгует, что его одежда в человеческих руках побывала?

— Но... Эсайльский шелк! Ручная вышивка... Куда же мне мужской камзол, милорд?

— Он стоит не менее пятидесяти золотых. Я был уверен, что вы уже давно его продали. Сразу после того, как растрезвонили на всю Асторию, что спасли сына драконицы.

Поджав губы, проглотила обидные слова. Слухи о злословии и бесчувственности драконов недаром ходят. Не бывает дыма, если нет огня. И вот имею неудовольствие убедиться в этом лично.

– Около семидесяти, если точнее. Учитывая, что это вещь дракона – все сто. Госпожа Рикитюль может и дороже продать – она это умеет. Но вы слишком плохого мнения о людях, милорд. Мне помогли вывести пятно, и я возвращаю вещь, что принадлежит вам. А поступок свой героическим я вовсе не считаю. Сделала то, что совесть велела. Уверена, я бросилась на выручку чуточку раньше вас. Только и всего.

С этими словами я подошла к дракону, расправила камзол и бесцеремонно накинула его на плечи мужчины, обмлевшего от подобной наглости. Волосы поправлять не стала, к ним драконы притрагиваться не разрешают. Затем молча вернулась к корзинам, взвалила на себя немного полегчавшую ношу и изобразила нечто, отдаленно похожее на поклон:

– Доброго вам вечера, милорд. Вы бы в карету возвращались – комары совсем расшалились. Закусаят ведь. Нехорошо, если такое красивое лицо испортят.

Улыбнувшись на прощанье, я обошла дракона и тихонечко поплелась по обочине.

– Куда вы направляетесь?

– В гнездо ард Нойрманов, милорд, – остановилась и повернулась, как обязывает вежливость, хотя ноша уже существенно оттягивала руки. Ответ был очевиден, да и вопрос явно задан с одной целью – остановить меня. Добавила, чтобы заполнить какую-то неловкую паузу: – Драконица Гро-нрух велела принести пирогов и торт с зеленикой в белом

шоколаде. Ждут важных гостей! Хорошие, должно быть, люди. Пекарь Лорис чудесные пироги печет!

– С чем?

– С рыжиками и луком, с мясом и картошкой. С рыбой и рисом! – спешно добавила, заметив, как интерес в глазах собеседника померк. Аметистовые драконы питаются в основном морепродуктами, насколько помню, потому последнее предложение мужчину несколько вдохновило.

– Пекли сами?

– Только помогала.

Вот теперь стало совсем неловко. Потому что я стояла на обочине с корзинами, он – возле распахнутой дверцы кареты в черном камзоле поверх белого, мы смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

– И кого же там ждут? – спросил он прежде, чем я снова попыталась откланяться.

– Не знаю. Мое дело – принести угощения и только.

– И, несомненно, получить награду за свой поступок от драконицы? Щедрую, разумеется.

У всего есть рамки, в том числе и у терпения. Даже если ты Борхес – терпение не может быть безграничным. Конечно, ведьму первого круга вывести из себя практически невозможно, зато пятого – запросто.

– Знаете, милорд, это попросту некрасиво. Своими заявлениями вы намерено оскорбляете меня или провоцируете на грубость. Но только я вам скажу: вы зря недооцениваете

людей. Мне искренне жаль, что в вашей жизни произошло что-то, что подорвало в вас веру в человечество, но не судите всех под одну гребенку. Я ничего плохого вам не сделала, а то, что сделала – то исправила. Прошу прощения, что отняла у вас так много времени. Если не возражаете – я пойду. Не хочу, чтобы из-за моей нерасторопности у драконицы Гро-нрух возникли проблемы с гостями.

Поскольку, очевидно, разрешения идти мне не дожидаться, отважилась на дерзость – развернулась и сделала шаг.

– Я вас не отпускал, госпожа Айнари.

Ох, исконная магия! Дай мне, пожалуйста, терпения. Этот невыносимый дракон превратит меня в темную ведьму! Мысленно я уже крестила аметистового незнакомца недобрым словом. Тихим-тихим таким, на самых задворках сознания, но недобрым. Наглец, например. Нахал. Хам. Чего доброго, еще и подлецом окажется! Развернулась, усиленно изображая покорность, но изображение получилось не очень достоверным.

– До гнезда далеко. В гору с такой ношей вы будете добираться долго и упадете посреди дороги.

– Вы снова меня недооцениваете.

– Это вы себя переоцениваете. Садитесь.

– Благодарю, не хотелось бы вас стеснять.

– Садитесь, Анотариэль. Нам с вами необходимо побеседовать.

Говорила мне Талия, что я слишком хорошего мнения о

людях. Даже если это не люди, а драконы – все равно слишком хорошего. Думала, он предложил это из желания помочь, но нет. Это будет повторный допрос.

Не успела даже толком разместиться на мягком бархатном диванчике, как мне начали задавать вопросы:

– Что вы сделали на площади?

Внутри кареты было так темно, что очертания дракона лишь угадывались, да таинственным фиолетовым светом глаза его мерцали, ориентируя меня, куда смотреть при разговоре. Приятно застучали копыта по камню, карета, лениво покачиваясь из стороны в сторону, поползла вверх. Мне до боли хотелось сбросить тапочки и размять уставшие и израненные ноги, но приходилось терпеть. Но все сглаживал спасительный диван! Я даже простила дракону, сидевшему напротив, его горделивость и грубость за одно лишь то, что спас меня от утомительной дороги. Он прав – упала бы. Не дошла бы.

– Меня уже допрашивал ирд Д’Остраф.

– Наслышан о вашем умении уходить от ответов, госпожа Айнари, но со мной такой номер не пройдет. Я перефразирую вопрос: вы знали о том, что случится?

– Что на рыночную площадь дракон упадет? Конечно же не знала, иначе бы людей предупредила, чтобы убежать успели...

Фиолетовые огоньки мигнули, затем приблизились ко мне.

– Зачем вы поцеловали Абеларда? Почему не убежали при виде талдоха?

Значит, удалось все же выяснить, кто это был? Быстро... Очень быстро. Заподозрят обязательно ведьму и благо, если не меня! Что же ответить? Спросить, кто такой талдох? Так ведь почувствует, что лгу и будет еще больше вопросов! Что же делать? Что делать?

– Так ведь дракон умирал! – выпалила на одном дыхании все ту же фразу, что изумрудному дракону отряжала до этого.

– Все верно и это был первый умирающий дракон, которого вы поцеловали. Сообщите мне что-нибудь, чего я еще не знаю!

Напряженная тишина, во время которой я судорожно соображала, как выкрутиться из сложившейся ситуации. Зря я вообще в карету с ним села. Лучше бы пешком в гору шла! Лучше бы упала дорогой...

– Пирог с рыбой у пекаря Лориса сегодня диво как хороши! Он мне в дорогу дал парочку, хотите?

Я выудила из корзинки пирожок. Этого он наверняка не знал. Я чувствовала, как у мужчины от злости сердце колотится быстрее, а дыхание рваным стало.

– Вам точно пирожок не помешает. Вот, держите-е...

В самый неудачный момент карета дернулась. Я сидела вперед спиной, а, поскольку ехали в гору, от такого маневра не удержалась на диване и приземлилась прямо на коле-

ни собеседнику. Благо пирожок попал точно в цель: в открытую от удивления пасть. Точнее рот. Рот, конечно же. Самый обычный – человеческий рот.

– В этот раз хотя бы не промахнулась! – весело заметила я и сразу перебралась на свое место. Стыдно-то как! Прямо на колени...

Пряча взгляд, достала второй пирожок. Риса чуть-чуть совсем, а печеная на углях красная рыба так и тает во рту! И все это с мелкорубленной зеленью в пушистом тесте с хрустящей корочкой!

– А в прошлый раз куда целились? – прожевав, поинтересовался дракон.

– В ступеньки. Но в последнее время я стала довольно неуклюжей. Вкусно?

Во мраке лица дракона видно не было, но, судя по звукам, пирожок он все же ел.

– Недурственно, – отстраненное замечание.

– Недурственно? Вам тогда совершенно точно необходимо с малиной попробовать. Это наслаждение ни с чем несравнимое! Госпожа драконица не станет возражать, что я с вами поделилась. Вы же наверняка тоже в гнездо направляетесь, значит, вы гость. Следовательно – я для вас пироги и везу. Ножичек не подадите? Я отрежу.

– Ножичек?

– Я видела, у вас за поясом.

Кортик на пояском ремне в золоченых ножнах. Красивых

таких! Наверняка там, в гнезде, сегодня настоящий праздник, возможно, даже бал, раз он так принарядился...

– Это арту – традиционное оружие драконов в человеческой ипостаси! – с укоризной поправил мужчина.

– Замечательно, подойдет. Лишь бы резал.

Несколько мгновений замешательства, затем лязг металла и в мою ладонь легла теплая рукоятка.

– Осторожно, он очень острый.

– Да не переживайте вы так, я не собираюсь на вас нападать!

Карету очередной раз качнуло и познать бы моему животу остроту традиционного оружия драконов, если бы не скорость реакции моего попутчика! Или сопровождающего? Или как мне назвать того, чьего имени я даже не удосужилась спросить?

– Пожалуй, пирог с малиной я попробую позднее, – осторожно вынимая из моей руки арту, проговорил дракон. И голос его стал такой низкий, со странной хрипотцой. А потом он выпустил меня из объятий и легко пересадил обратно на мой диванчик. Это хорошо, что корзинки я предусмотрительно ремешками пристегнула, иначе кроме камзола еще и карету отчищать пришлось бы! Ладно бы, если только от пирогов, так еще и от собственной крови. Или карету он тоже попросту бы выкинул? Поговаривают, у драконов сокровищница больше, чем у императора Аркхаргана!

До гнезда мы ехали молча, думая каждый о своем. Впро-

чем, ехать оставалось и недолго. Буквально пара минут, и карета остановилась возле центрального входа. Мне помогли выбраться – вежливо подали руку. Касание горячей ладони моих озябших от вечерней прохлады пальцев неожиданно отозвалось в груди. Чем-то острым кольнуло. Я поспешила отнять руку и отойти.

– Бартон, корзинку отнеси Грехильде. Скажи, что госпожа Айнари скоро будет.

– Да, милорд, – кивнул пожилой лакей и взвалил на себя ношу с выпечкой.

– Старенький же он совсем, я и сама донесу. Вы только скажите, где здесь вход для прислуги?

– Большинство известных мне дам предпочли бы войти в гнездо ард Нойрманов через центральный вход, – сказал дракон и направился к высоким двустворчатым дверям. Масивным, железным, украшенным завитками лилий, выкованных из драгоценных металлов.

Красиво.

Да и само гнездо, если честно, поражало своим великолепием. Оно словно являлось продолжением скалы! Впрочем, почему же словно? Оно и являлось ее частью. Стены, башни, балконы и огромная площадка, видимо, для драконов в зверином обликии – все вытесано из цельного камня. Разве что украшено аметистами, а остальное все творение природы. У меня немного закружилась голова – башни уходили так высоко в небо, что даже смотреть больно. Я с восторгом

разглядывала массивные колонны, высеченные конусообразные балкончики со стрельчатыми крышами, ланцетовидные окна, декорированные мозаикой из тонких драгоценных камушков и обилие живых цветов, которыми здесь было засажено все. С любопытством осмотрела клумбы и улыбнулась шире, когда увидела ютившиеся на самом краешке васильки.

– Вы идете? – дракон остановился.

– Так вы же не сказали, куда!

– По-моему, это очевидно, – раздраженно заметил мужчина как раз в тот момент, когда перед ним открылись двери.

Вместе с дверьми открылся и мой рот, потому что я отчетливо увидела самый дорогой и самый шикарный в своей жизни холл. Даже в императорском дворце и в половину такой красоты нет! Мраморные полы сияли аметистовой крошкой, множество белоснежных колонн уходили высоко ввысь, на серебристых стенах искрились светильники и висели многочисленные зеркала самых причудливых форм, отражающие блеск огней. Создавалось совершенно удивительное ощущение нереальности происходящего.

– Красота-то какая! – сама не заметила, как сделала несколько шагов, а потом и вовсе, глядя по сторонам, словно в музее, неспешно последовала за драконом.

Великолепные картины, вазы – как произведения искусства – напольные, настольные, с пышными букетами, сухоцветами или вовсе пустые, статуи, бюсты, разнообразные часы – все это непозволительно дорогое и шикарное казалось

привнесенным из других миров. Недоступных мне и далеким.

– Нравится?

– Да... Конечно...

Дракон остановился и посмотрел на меня с интересом. Хищно сверкнули аметистовые радужки.

– Что?

– Вы впервые солгали мне, госпожа Айнари. Что же вам не приглянулось? – он заложил руки за спину и не сводил с меня заинтересованного взгляда.

– Понимаете, – я смущенно улыбнулась, стараясь не обидеть дракона. Все же, съесть меня может. – Я всегда привыкла, что вещи служат человеку. Они ведь созданы для того, чтобы их использовать и только. А здесь... Здесь все такое чужое и холодное. Эти предметы не служат своим хозяевам, они требуют поклонения.

– Любопытное мнение. Но вы ошибаетесь.

Мужчина подошел к одной из напольных ваз: большой, пузатой, с искуснейшей лепниной цветов на боку от узкого горлышка до широкого основания. Над ней наверняка трудились лучшие мастера и потратили...

Звон.

По полу расплескались разноцветные осколки.

Я оторопела, разглядывая, как волна разноцветной стеклянной крошки хлынула к моим ногам и остановилась возле подола сарафана. Не сразу поняла, что это произошло на

самом деле.

– Зачем вы это сделали?!

Я перевела ошарашенный взгляд с осколков, раскатившихся по холлу, на невозмутимого дракона. В коридоре мелькнули тени, видимо, служанок. Но, заметив дракона, тут же ретировались туда, откуда выплыли.

– Доказываю, что вы неправы. Это не более чем вещь, купленная за деньги, которые вы, якобы, ни во что не ставите. Тем не менее, видели бы вы свое лицо, когда разбилась эта ваза.

– Да при чем здесь деньги, милорд? В создание этого произведения вложен труд! Вложена душа! Вы хотя бы представляете, что стоило мастеру создать эту вазу? Возможно, он ночи не спал! Возможно, только этим и грезил! Каждый цветок, каждый элемент – это время, это дыхание, это чужая жизнь, потраченная на то, чтобы вы могли любоваться прекрасным, – я подняла осколок с веточкой сирени. Мельчайшие цветочки, размером меньше ногтя на моем мизинце. Каждый такой элемент выполнен вручную. – А вы... вы просто взяли и... это бесчеловечно!

– Разумеется. Ведь я не человек.

– Именно!

На глазах блеснули слезы. Обидно, когда не ценят чужой труд. Обидно, когда кто-то считает себя выше и лучше других просто в силу своего рождения. В силу особенностей, дарованных природой. Обидно, когда такие прекрасные вещи

становятся жертвой вандализма. Но и в доме им не место. Только в музеях, на выставках, да в императорском дворце.

– Мне пора. Передайте госпоже драконице мои наилучшие пожелания. Если вас, конечно же, не затруднит, – я едва заметно поклонилась и хотела уйти, но дракон остановил.

– Вы передадите их самостоятельно. Идемте, – отчеканил он и бесцеремонно взял меня за руку. Взял и повел куда-то в коридор без окон, освещенный лишь теплым светом факелов. – Перестаньте всхлипывать, это раздражает!

– Вы... вы очень злой дракон, милорд, – нехотя следуя за мужчиной, я не могла больше скрывать недовольства его поведением. Необходимость сдерживать чувства – утомительна. Для ведьмы и вовсе губительна. Мы – ходячие проводники эмоций и подавлять их не привыкли.

– Еще не знакомы, а уже повторяете слова моей матери.

– Проницательная женщина!

– Порой мне кажется, что чересчур! – согласился он, как ни странно, уже не содрогаясь от ярости, как это было еще пять или десять минут назад. Прежде от мужчины исходили неприятные волны, холодившие кожу, а сейчас от них не осталось и следа. Дракон резко остановился и произнес: – Вам сюда.

– Благодарю, что проводили.

Повернулась к неприметной деревянной двери и хотела постучать, но прозвучал низкий уверенный голос:

– Прежде, чем вы уйдете, госпожа Айнари, я хотел бы кое-

что вам дать.

– Мне? – удивилась, но, тем не менее, повернулась.

Дракон вложил в мою ладонь овальный аметист с золотистой циферкой пять. Быть того не может. Этого просто не может быть! Второе приглашение на отбор! Исконная магия, что за шутки?

Поскольку дракон уже отступил, отказаться от подарка не получилось. Да и смысл? Лишь оскорблю, а мне очень не хочется злить его – он только успокоился. Напротив, хотелось сделать что-то приятное, чтобы отблагодарить и порадовать. Кошелку и корзинку у меня забрали, а при себе лишь несколько васильков, вплетенных в мои волосы. Я немного расплела косу, достала оттуда самый большой и красивый лазурно-голубой цветочек и протянула мужчине.

– Снова цветы?

– Увы, но мне нечего подарить вам в ответ, кроме частички своей души. Возьмите. Для вас это ничего не стоит, а мне приятно будет.

– И что мне делать с вашей душой? – дракон взял цветок и покрутил его в ладонях.

– Что сочтете нужным.

Он хмыкнул, одним движением смял цветок в ладони и бросил на холодный каменный пол. В воздухе запахло васильковым соком, а в моей груди невыносимо кольнуло, словно по сердцу грязными сапогами прошлись.

– Человеческая душа ничего не стоит. Прекратите зани-

маться ерундой и отправляйтесь к Грехильде.

Проглотив обиду, я бережно сжала аметист и подошла к дракону почти вплотную – он отшатнулся. До чего же неприятно чувствовать, что тебя воспринимают как грязь. Нет, да же не грязь, как какую-то заразную и постыдную болезнь. Улыбнулась сквозь дрожащие на ресницах слезы.

– В таком случае, милорд, – я протянула ему камень. – Вам лучше отдать это той, кто не вызывает в вас столько отращения и ненависти, сколько вызываю я.

Его зрачок стремительно втянулся, губы превратились в тонкую белую линию, а в коридоре с жалобным шипением потухли факелы, оставив меня наедине с драконом в абсолютно темном каменном склепе. Вот только в отличие от меня, ящер все прекрасно видел.

И снова холодные волны ярости, от которых кожа порывалась мурашками.

– Я сам решу, что для меня лучше...

Он ушел, так и не забрав камень. А потом вновь вспыхнули факелы, и смятого василька на полу уже не было... До чего же сложный дракон! Сложный, противоречивый и бесконечно грустный.

Постояв пару минут, чтобы перебороть обиду и высушить слезы, я собралась с духом и хотела постучать, но меня определили.

– Грехильда!

Не успела опомниться, как из-за угла, оттуда, где скрылся

дракон, со звонким криком выскочили служанки в длинных холщовых платьях, белоснежных чепчиках и накрахмаленных передниках.

– Грехильда! – на меня не обратили внимания. Толкнули тяжелую деревянную дверь и ворвались внутрь. Я тенью шмыгнула следом. – Хозяин прибыл! Срочно требует пирог с малиной!

– Пирог с малиной? – озадачилась высокая худая женщина с черными волосами и пронзительно яркими зелеными глазами, а потом, заметила меня, и, видимо, догадалась. – Как только узнал? Владыка не перестает удивлять! Вы же госпожа Айнари? Это вы спасли моего сынишку?

– Я ничего такого не делала, ирда Гронрух. Просто рядом оказалась.

Драконица улыбнулась, но служанки снова зашебетали:

– Он сердитый, как тьма! Прорычал: «несите пирог с малиной» и поживей! Кажется, слухи не просто слухи... Он и правда контроль теряет!

– Девочки! – грозно шикнула драконица, а у меня слух хороший, да и природная внимательность.

Значит у владыки драконов проблема с контролем? Это плохо. Это очень и очень плохо! Учитывая недавнее происшествие с драконом, который едва не погиб от талдоха, могут начаться волнения, борьба за власть. А там, где борьба за власть – всегда нестабильность, всегда темная материя и множество смертей. Не к добру это. Разлад в стане драконов

всегда беда для людей. Цветные об этом обязательно узнают, могут на город налет совершить... Последний налет был тридцать лет назад – столько людей, колдунов и ведьм полегло – не сосчитать. Ведьм... Тогда мне подобные жили спокойно и не скрывали свою сущность.

Ирда Гронрух, сразу видно не повариха, посмотрела на пироги с явным недоумением. Остальные повара суетились на кухне, едва поспевая с готовкой. Должно быть, гостей не мало, судя по размеру кипящих на плите кастрюль.

– Вот этот с малиной, самый верхний, – поспешила на помощь, схватив с высокого каменного стола фартук и повязывая его на поясе. – С пирогами господина Лориса деликатное обращение требуется! Разрезать его нужно бережно, начинка очень нежная, со сливочной прослойкой, – приняла из рук повара большой острый нож и утопила кончик в хрустящей корочке. Аккуратно отрезала от лакомства кусочек и переложила первый квадратик пирога на белоснежную тарелку с аметистовой узорной окантовкой. – Господин Лорис советует сверху посыпать ванилью и добавить капельку зеленого сиропа.

На столе вмиг оказались необходимые ингредиенты. Поколдовав, я показала драконице результат, и она осталась довольна.

– На приеме семнадцать гостей, включая владыку. Поможете?

Легко! На кухне царила приятная суeta. Двери то и де-

ло открывались и закрывались, повара только и успевали выставлять на серебряные подносы новые угощения, а служанки, весело хихикая, уносить их куда-то и приносить пустые подносы или заполненные грязной посудой. Звенел хрусталь, звякал фарфор, стучали серебряные приборы – драконы только серебром едят. Бурлила в больших кастрюлях вода и, несмотря на открытое окно, на кухне было жарко и душно. Вытерев со лба бусинки пота, я положила на тарелку последний кусочек и улыбнулась.

А потом, когда необходимость сосредоточиться на процессе отпала, меня вдруг стрелой осознания прошило. Хозяин вернулся и потребовал пирог с малиной, о котором знать не мог. Хозяин гнезда – владыка драконов. Владыка из стаи аметистовых, насколько помню.

Ой.

Ой-ой!

Даже трижды ой!

А ведь еще камушек мне подарил...

– Простите, а как давно прибыл хозяин? – обратилась к служанкам, которые уже бойко составляли блюда на серебряные подносы.

Девушки переглянулись и захихикали, а потом посмотрели на меня. Одна из них, самая задорная, ответила:

– Вы же вместе прибыли, вам ли не знать?

И тут я поняла, что камушек мне дал не просто вредный и злобный дракон. Мне его сам владыка этих высокомерных и

горделивых созданий вручил! И, если ирд Д'Остраф, узнав, что я ведьма, еще может снисходительно к этому отнестись, возможно, даже сбежать позволит, хотя вряд ли, то владыка уничтожит на месте. Так же, как уничтожил до этого единолично и собственноручно ковен ведьм Олорэ. Ведь это его рук дела, все ведьмы знают. Нет. От такого дракона камень я принять не могу. К тому же, есть у меня уже один.

– Позвольте, – я остановила девушек и обратилась к драконице Гронрух. – Вы не могли бы мне помочь?

– Конечно, дорогая. Проси, что угодно. За жизнь своего сына я тебе половину сокровищницы отдам!

– Деньги меня не интересуют, – отмахнулась. – Можно я для владыки передам кое-что?

Глаза женщины опасно сузились, а зрачок мгновенно вытянулся в узкую линию, не позволяя забыть, что передо мной не абы кто, а самая сильная магическая сущность. Эта худая стройная женщина в один миг может обернуться многометровым хищником и поглотить меня, даже не заметив. Страшным голосом, похожим на рычание собаки, которая предупреждает, что в любой миг может напасть, она произнесла:

– Осторожнее, человек. Благодарность все же знает границы.

– Ну что вы, госпожа драконица! Я ничего дурного сделать не хочу! Мне просто вернуть кое-что нужно владыке. Один очень и очень дорогой подарок!

Судя по ободкам чешуи на запястьях, драконица из изумрудных, а они откровенную ложь чувствуют остро. Через мгновение изумрудная радужка блеснула, а узкая линия зрачка расширилась, вновь являя мне человека. А уж когда она аметист увидела...

– Уверена? У владыки уже десять лет нет хранильницы. Я бы на твоём месте отказывать ему поостереглась. Да и нужна она ему! Правда, нужна. Он хороший, на самом деле. А серьёзность и строгость – это все напускное. Несладко ему в жизни пришлось.

Тогда тем более! Злейший враг в хранильницах? Нельзя такого печального дракона расстраивать.

– У меня уже есть один камень. Я просто не успела владыке объяснить. Он возможности не дал...

– Что ж. Если таково твоё желание, деточка...

Но смотрела на меня драконица как на полоумную. Возможно, со стороны это так и выглядело, но уж пусть лучше я буду для всех полоумной, чем погибну. Мертвые – они уже ничего сделать для других не могут. Только мы, живые, способны хоть что-то изменить в этом мире.

В малой столовой гнезда ард Нойрманов

– Так что же мне сказать стаям, сын? По поводу сегодняшнего происшествия? Ты же понимаешь – утаивать информацию себе дороже. Они додумают свое.

Ролдхар, отрезав кусок сочной красной рыбы, спокойно

отправил его в рот и перевел взгляд на Абеларда, сидевшего по левую руку. Изумрудный дракон хищно улыбнулся и нагло заявил:

– А скажите, что у меня возникли проблемы с оборотом.

– Ч... что, прости? – ирда Нойрман даже заикаться начала.

С разных сторон донеслись сдавленные смешки. Здесь и сейчас присутствовали самые доверенные члены стаи, те, кому Ролдхар доверял, те, кто помог ему прийти к власти и удерживать ее на протяжении уже половины века.

– А в чем проблема? – дракон откинулся на спинку стула и, пригубив вино, внимательно смотрел на сидевшую напротив него изящную женщину: ухоженную, дорого одетую. Она всегда умела вести себя в обществе: возраст, опыт, да и должность к тому обзывают. О выдержке ирды Нойрман, и ее умении решать самые трудные дипломатические задачки известно всем. После того, как судьба лишила ее мужа, ирда Нойрман стала другим человеком.

– Ты издеваешься, Абелард? Кто поверит, что у тебя проблемы с оборотом?

– А кто рискнет усомниться? Найдутся смертники задать вопросы – отправите их напрямую ко мне.

Смешки стали совсем уж несдержанными.

– Чешуей клянусь, ты меня в могилу сведешь, ирд Д’О-страф!

– Вас так просто не сведешь, ирда Нойрман. Те, кто имел

глупость недооценить вас как политика или противника уже давно кормят червей, – изумрудный дракон умел разрядить обстановку, а уж его обходительность с женщинами – живая легенда.

– Вы допросили всех свидетелей инцидента? – вмешался в разговор сапфировый дракон ирд Фаргсон – глава тайной службы владыки. – Требуется ментальное вмешательство?

– Не думаю, – отмахнулся изумрудный.

– Зеваки разбежались, как только талдоха почувствовали, – подтвердил Ролдхар.

– По моим данным разбежались не все, – ирд Фаргсон оторвался от еды и смерил Абеларда пристальным взглядом.

– Я допросил девушку, она непричастна.

– С каких пор ты стал так скор на суждения? – вмешалась ирда Нойрман, делая глоток вина и внимательно разглядывая сидевшего напротив мужчину. В белоснежном военном мундире верховного главнокомандующего он выглядел еще более мужественно, чем обычно.

– С каких пор мои суждения подвергают сомнению? – голос вмиг покрылся коркой льда.

– С тех самых, как выясняется, что вы уже знакомы, – вновь вставил реплику ирд Фаргсон. – У меня имеются предположения, что она может оказаться причастной к убийству драконов и призыву талдоха. Он не тронул хозяйку, а ваше знакомство стало причиной, по которой выжили вы. Ведьма не захотела избавляться от вас. Возможно, сочла, что будет

выгоднее использовать для какой-то своей цели.

Тревожно звякнули серебряные приборы о фарфор. Абелард подался вперед и спокойно, так, что присутствующие вмиг умолкли, произнес:

– С госпожой Айнари мы действительно знакомы, ирд Фаргсон. А логика ваших рассуждений заставляет меня усомниться в том, что вы соответствуете занимаемому посту, – мужчина побагровел от злости, вытянул радужку в тонкую линию, демонстрируя возмущение, но, тем не менее, смолчал. По силе он Абеларду существенно уступал и не рискнул бы с ним тягаться. Ни как человек, ни как дракон. – А, впрочем, давайте порассуждаем! – изумрудный вновь обаятельно улыбнулся и оцепенение с гостей немедленно пало. – Допустим, госпожа Айнари – та самая ведьма, что умудрилась не только призвать темную материю второго порядка, но еще и сделать так, чтобы эта материя имела возможность, внимание, вселиться в дракона. Просто для справки, сущность второго порядка может призвать лишь очень сильная ведьма. Это второй или даже первый круг. Этой девчонке сколько? Восемнадцать? Деятнадцать?

– Двадцать один, – поправил ирд Фаргсон, у которого на Анотариэль уже была заведена отдельная папочка.

– Двадцать один, – усмехнулся Абелард, который прожил в десять раз больше. – Будь она ведьмой, входила бы в шестой, от силы – пятый круг. Не тот возраст. Не тот опыт. Не те знания. Это наивное чистое создание, у которого все чув-

ства на поверхности. Призвать талдоха ей попросту не по силам. Удержать и подчинить – тем более.

– И, тем не менее, – сапфировый дракон попытался выразить сомнения.

– Вы сказочник? Кажется, ваша должность предполагает умение апеллировать фактами. Вот вам факты. Возраст госпожи Айнари – раз. В ходе допроса она не лгала – два. Талдох даже не попытался вселиться в нее – три. А вам любой колдун подтвердит, что тело ведьмы – самый благоприятный сосуд для этой сущности.

– Почему ты так яро ее защищаешь, Абелард? – изумилась леди Нойрман. – Ведьмы – наши враги и сейчас они открыто нападают, мстят за своих. Так почему?

– Потому что она моя будущая хранительница.

На этот раз звякнули приборы владыки, и присутствующие обратили на него внимание.

– У меня все равно имеются опасения на счет этой девушки, – ответил Ролдхар.

– Отбрось их. Завтра я их развею.

– Каким образом?

– Мне известен лишь один способ узнать, имеем мы дело с ведьмой или нет. Единственный достоверный способ, – на губах блондина растянулась хищная улыбка. Всем известно, повелитель изумрудных драконов мастер в двух вещах: пытках и женщинах. А уж если их совместить – равных ему по умению не найдется во всей империи.

– Собираешься ее спалить? – владыка поднял тяжелый взгляд, и от присутствующих не ускользнуло, как он гневно сжал салфетку.

– Ну, зачем же так радикально? Я умею обращаться с женщинами.

Обстановка в столовой накалилась, а между двумя друзьями словно кошка пробежала. Они напряженно смотрели друг на друга. Абелард с иронией, владыка – с яркой ненавистью. Вот только ненависть эта была звериная, связанная с утратой контроля и невозможностью более обуздывать зверя. Он и без того сильнее других сородичей. Целых десять лет обуздывал рвущуюся на волю ярость сам. Вот только драконам это не по силам. Сама исконная магия распорядилась так, что рядом со зверем должна находиться хранительница. Женщина, что способна коснуться сердца и души ящера, достучаться до человеческой сущности, напомнить, ради чего он живет. А драконы созданы исконной магией для защиты Нории. Так было, есть и будет всегда.

В этот момент двери распахнулись и по столовой бесшумными тенями заскользили служанки, убирая грязную посуду и расставляя перед драконами блюда с малиновым пирогом.

На столик перед владыкой легло одно из блюд. В отличие от других украшенное васильковыми лепестками. Затем служанка передала хозяину небольшой мешочек.

– Что это? – владыка даже не поднял взгляд.

– Это вам просили передать... от... от...

Служанка явно не знала имени той девушки, что хозяйничала на кухне наравне с поварами.

– Девушки, с которой вы в гнездо прибыли, – негромко прошептала она, но драконица, сидевшая рядом с владыкой, услышала. У драконов слух отменный. Услышали все присутствующие, и человеческая служанка от этого смутилась еще больше. Даже побледнела от страха, но владыка не изменился в лице.

– Что-о? – Аласана же удивления не скрывала. И, если ей удавалось все это время молчать, то тут она не сдержалась. Тонкие серебристо-белые брови взмыли вверх. – Ролдхар! Что за девушка?

– Та самая? – пронизательность ирды Нойрман и на этот раз себя проявила.

Но Ролдхар никого не слушал и не слышал. Он заглянул в мешочек и стиснул зубы так, что присутствующие вмиг присмирели. Волны ярости расплескались по столовой почти ощутимо, вжав каждого дракона в свой стул. Гости ни есть, ни говорить не могли, даже забыли, как дышать, в страхе наблюдая, как хищное лицо владыки покрывается сверкающей аметистовой чешуей.

– Сын, – первой отмерла ирда Нойрман. – Выйдем на минутку.

– Да. Мне нужно выйти, – процедил сквозь зубы Ролдхар, а затем обратился к служанке: – Она все еще здесь?

– Да, милорд, – выдавила девушка, в страхе сжав фартук.

– Сколько времени? – владыка глянул за окно хищными драконьими глазами.

– Без четверти одиннадцать, милорд.

После этого мужчина поднялся и, забрав с собой мешочек, стремительно покинул столовую.

– Ролдхар! – воскликнула Аласана, сорвавшись с места, но ее тут же окликнула ирда Нойрман.

– Не сейчас, дорогая. Дай ему время...

В столовой родового гнезда ард Нойрманов царило гробовое молчание. Присутствующие понимали, что основы власти владыки пошатнулись и не сегодня-завтра драконий мир ждут перемены. Вот только они слишком рано списали Ролдхара со счетов.

Кухня родового гнезда ард Нойрманов

Прием подходил к концу, и кухня постепенно затихала: больше не шипел огонь на плите, не взмывал в воздух ароматный пар из кастрюль и сковородок, не бегали служанки и не хлопали деревянные двери. Лишь журчала вода, и работали посудомойки, а повара лениво возили тряпками по гладким каменным столешницам, убирая за собой. Наверное – это особая черта всех поваров. Они могут часами напролет стоять на ногах, трудясь над созданием очередного кулинарного шедевра, но после этого все равно найдут силы, чтобы навести идеальную чистоту. Это в дешевых тавернах

на кухне рядом с нарезанным хлебом можно увидеть вылизывающую себя кошку или мышь, что лакомится сыром без зазрения совести. В приличных заведениях, а уж тем более на кухнях дорогих домов такая картина невозможна.

— Доброй ночи, ирда Гронрух, — попрощался один из поваров, а мне вдруг стало любопытно.

— У вас всегда так поздно ужинают? — я отставила чашечку с ароматным чаем и придвинула тарелку с пирогом.

Рыжики с грибами — один из моих любимых, хотя, у пекаря Лориса мне все пироги нравятся. Пожалуй, все зависит от настроения и погоды. В жаркую хочется холодных пирогов с капусткой или рыбой, с грибочками или зеленикой, в холодную — самое то сладкие и горячие: с малиной или персиками, мяском, печенкой... Прожевала и улыбнулась. Очень хорошее завершение трудного дня!

— Мы же драконы, — улыбнулась ирда. — Ложимся глубоко за полночь. После ужина оборачиваемся и летаем, только после этого человеческая сущность полноценно восстанавливается.

— Каждый день оборачиваетесь? — о драконах я знала, но не так, чтобы много. Мне хватало ума интересоваться в меру. Я владела ровно той информацией, которая требовалась для выживания. Чрезмерный интерес мог пробудить ответный. Но сейчас я опасности не чувствовала и мы с Грехильдой общались, как старые знакомые. Мне многие говорили, что в моей компании словно язык развязывается. Но с ведьмами

Борхес всегда так. У нас аура особая...

– Это сущность драконов, дорогая. Мы не можем все время находиться в человеческой ипостаси – можно с ума сойти. Но и зверем постоянно быть тоже нельзя.

Я чувствовала, что женщине так и хочется поделиться со мной своими ощущениями, ее эмоциональный фон колебался и источал мягкие восторженные волны. Она счастлива, что родилась драконицей.

– Наверное, летать – это здорово.

– Не то слово! – согласилась она. – Жду не дождусь, когда у Эйдана появится зверь. Не терпится показать сыну самые красивые места Астории!

Каменные драконы защищают Асторию от цветных, но при этом службу несут не все. Женщины, старики, да и многие мужчины не обязаны выходить на боевые дежурства и порой я наблюдаю из окна спальни за полетом этих удивительных зверей в небе и думаю – вот кто дышит жизнью и свободой! По-настоящему! Наверное, они самые счастливые создания во вселенной. Мне порой тоже так хочется: расправить руки-крылья и вниз с обрыва. Вот только меня утянет в бездну, а их – возносит к небесам... Мой полет будет стремителен и короток, а их – длиною в вечность. Такова жизнь, такова сущность магии. Человеческий век короток, а драконы не подвластны времени.

– Наверное, ты до конца не осознаешь, что сделала, – изменившимся голосом произнесла женщина.

Только сейчас лучше ее рассмотрела: очень худое лицо, острый нос, узкие губы. Но некоторую неказистость внешности скрашивали удивительно красивые раскосые глаза. Радужка с вкраплением золотистых искорок завораживала своим сиянием.

– Знаете, – захотелось быть откровенной. – Я пообщалась немного с вашим владыкой и была неприятно удивлена тем, как вы, драконы, относитесь к людям. Не знаю, почему все только и говорят о моем поступке. Я просто сделала то, что должна была. Помощь ближнему не героизм – это обязанность. Тем более, когда дело касается детей. Я сделала это не ради выгоды и, признаться, меня удручает, что все это стало достоянием общественности.

– Тем не менее, я бы хотела тебя отблагодарить! У меня большая сокровищница и...

– Вы меня очень обидите, если продолжите этот разговор, – вот и все. От хорошего настроения не осталось и следа.

– Но... – женщина удивилась. – Для нас, драконов, есть только две ценности: наши дети и наши сокровища. Если дракон дарит тебе что-то ценное, то ты очень много для него значишь! Чем ценнее подарок, тем выше значимость. Более того, каждая драгоценность от дракона несет свой смысл, определенный посыл. Скажем, я бы с удовольствием подарила тебе кольцо или серьги с изумрудными звездами. Чтобы все видели и знали, как драконица Грехильда тебе благодарна, и ты для нее звезда. Но ведь ты такое не наденешь, не так ли?

– Увы... Да и не с чем мне носить подобные подарки. Все мои наряды просты и незатейливы. Мне достаточно того, что я имею, спасибо вам.

– Тогда как я могу тебе отплатить?

Улыбнувшись, ответила то же, что и другим. К такому вопросу я уже привыкла за годы ведьмовской практики:

– А давайте, если мне вдруг однажды понадобится помощь, вы постараетесь помочь? Если, конечно, получится?

– Услуга в будущем? – женщина приподняла бровь, явно недоумевая. – И какая в этом ценность?

– Смотрите, – я постаралась объяснить драконице совершенно непонятные для нее вещи, но женщине и правда было интересно. – Что лежит в вашей сокровищнице?

– Деньги, драгоценные металлы, украшения, артефакты, даже оружие... Много всего, – с гордостью поведали мне.

– У меня тоже есть сокровищница! – скептический взгляд и моя улыбка в ответ. – Просто в нее я складываю искреннюю благодарность, доброе отношение, любовь и... услуги!

– Совершенно бесполезная сокровищница, – хмыкнула драконица.

– Не соглашусь. Если случится беда – упаси исконная магия – сокровища не помогут. Помогут только люди.

– Как раз помогут сокровища. На них можно купить все необходимое, в случае нужды, в том числе и людей.

– Но, имея верных друзей, желающих помочь, и покупать ничего не потребуется! Для некоторых деньги не имеют зна-

чения, а вот долг чести или желание помочь другу окажутся решающими.

Мы друг друга явно не понимали. Точнее, понимать-то понимали, но все равно остались при своем мнении. Просто наши миры слишком разные. Драконы – собственники, горделивые создания, коллекционеры и ценители сокровищ. Они понимают лишь язык драгоценностей и денег, власти и силы. Материального. Это у них в крови. Они те, кто они есть.

– Интересная ты девушка, Анотариэль. Не похожа на других человечек. Другая бы давно стороговала за помощь половину моей сокровищницы и ведь я бы отдала. За своего Эйдана я и сердце отдам!

От упоминания о сердце дракона неприятно кольнуло в груди. Сердце влюбленного дракона. Какая любовь сильнее материнской? От ужасного предположения мне стало не по себе. Никогда-никогда! Даже думать об этом не стану. Не нужно мне такое сердце. Лучше я вечно буду жить с проклятием графа Братстона, чем сниму его такой ценой...

Взгляд упал на каменные часы в форме парящего дракона, и я грустно вздохнула:

– Мне, кажется, пора. Уже слишком много времени.

– Да куда же ты пойдешь, на ночь глядя? – испугалась драконица. – Это нам, драконам, в такое время безопасно, а ты юная красивая девушка. Оставайся у меня, я постелю в комнате Эйдана, это ничуть не обременительно, мне даже в ра-

дось. А родных твоих я предупрежу, когда летать отправлюсь – весточку им занесу.

Благодарно улыбнулась женщине:

– Видите! Доброта – вот истинное сокровище. Вы, Грехильда, часть моей сокровищницы. Яркий изумруд моих воспоминаний.

Женщина вдруг неожиданно тепло улыбнулась, кажется, наконец, начиная меня понимать.

– Но я все же откажусь от вашего предложения. Поверьте, мне ничего не угрожает.

Ведь ровно в полночь магия проклятья перенесет меня в дом графа Братстона, где бы я ни находилась. Страшно, обидно, но я уже свыклась с этим. Но в любом, даже самом неприятном обстоятельстве, я всегда нахожу плюсы: меня не пугают поздние возвращения.

– В таком случае, не отказываясь от повозки. Я договорюсь с Бартоном, чтобы отвез тебя в город.

Если не соглашусь – меня неправильно поймут. Со стороны это будет выглядеть как минимум некрасиво и странно, потому я с благодарностью кивнула и, пока драконица Грехильда ходила договариваться на счет повозки, съела весь пирог со своей тарелки и выпила чай. Пожалуй, впервые нормально поела за день.

Прощались мы добрыми друзьями. Кто еще может похвастаться, что у него в друзьях настоящая драконица? Хвастаться я, конечно, не люблю, но сам факт волнительно при-

ятен. На прощание я подарила женщине букетик васильков и васильковую же воду, попросив поставить в комнате сына. Рассказывать о том, что талдох, коснувшись жертвы, в ближайшие сутки может найти ее по слепку ауры и попытаться вселиться, разумеется, не стала. К тому же, следом за талдохом и менее сильные сущности могут попытать счастье. А дракончик еще не обрел зверя, защитить себя толком не может, потому оставить мальчика беззащитным я не могла. На площади я умыла его водой, этого хватит на какое-то время. А букетик станет дополнительным гарантом его безопасности.

До полуночи оставалось не так много времени. Успею ли добраться до города? Будет странно, если Бартон откроет дверцу кареты, а меня внутри не найдет. Стоп. Кареты? Перевела взгляд на драконицу, но та лишь пожала плечами и улыбнулась. Вот она – доброта. Хотя мне и в обычной повозке на деревянной лавке было бы удобно.

Бартон помог забраться внутрь и закрыл дверцу. Застучали копыта, скрипнули колеса. Я открыла шторку, впуская мягкий лунный свет. Помахала Грехильде, тепло улыбаясь на прощание, и окинула восторженным взглядом гнездо. Посеребренное лунной изморозью оно выглядело еще более захватывающе, чем днем. Величественно, прекрасно и... опасно.

Поежилась. Вечерний холод давал о себе знать, а я без накладки. Не планировала позднее возвращение домой. Домой.

Нет у меня дома. А место, где я ночую, домом назвать язык не поворачивается. В слугах у графа – нечисть, ведь все человеческие слуги давным-давно сбежали. Еще бы, когда у хозяина нет души, а его жестокость не знает границ, сложно оставаться с ним бок о бок даже за большие деньги. Желających не нашлось, потому граф Братстон пришел к единственному верному выходу: нанять нежить. Пожалуй, его поместье больше напоминает склеп, нежели дом.

Я еще раз с грустью обернулась, вглядываясь в очертания гнезда, скрывшегося за поворотом. Жаль, что нельзя остаться на ночь у драконицы. Это была бы первая моя спокойная ночь. Когда в последний раз я нормально спала? Без необходимости устанавливать щит вокруг кровати, сквозь который не пробьется ни нечисть, ни человек? Не вздрагивая от каждого шороха? Без необходимости все время быть начеку? Тяжело вздохнула и мотнула головой, отгоняя уныние. Я не имею на него права. У меня есть кров, верные друзья, пища. Это уже больше, чем у других. После смерти родителей я и вовсе могла оказаться на улице, можно сказать, мне даже повезло. Какое-то очень странное и извращенное везение, но мне ли жаловаться на судьбу?

– Какая гамма эмоций, – донеслось из темного угла.

Я завизжала и схватилась за сердце, но Бартон даже не остановился. Значит знал. Извозчик знал, что внутри владыка, потому так странно на меня и смотрел! А я, отвлеченная мыслями и видом за окном даже не заметила притаившего-

ся в темноте кареты зверя. Холод... Ну конечно. То, что я приняла за вечерний холод, оказалось уже знакомыми мне волнами ярости.

– Вы напугали меня.

– Я вижу.

– Извините, милорд.

– За что именно?

От подобного ответа я опешила и поспешила пояснить:

– Обычно, когда кто-то кого-то пугает, следует извиниться.

– Учту на будущее.

– Вы и в будущем намерены меня пугать и не просить прощения?

– Зависит от вашего поведения.

И вот вроде бы гадости говорит, а холод отступает, и ярость сменяется чем-то более мягким. Гневом, раздражением, недовольством.

– Я не знала, что вы собираетесь воспользоваться каретой, милорд, я бы...

– Холодно. Оденьтесь.

Меня грубо перебили, поэтому заканчивать свою мысль не стала. Какой смысл? Владыка драконов делает, что хочет, говорит, что хочет, и требует, что хочет. Он приказывает и получает необходимое. Наверное, когда долго живешь в таком режиме, перестаешь ценить тех, кто рядом. От такой жизни и с ума сойти недолго.

– У меня нет с собой накидки, милорд.

Мне на колени упала черная шелковая ткань с аметистовой вышивкой, в которой я безошибочно определила тот самый камзол. Посеребренный лунным сиянием, его цвет завораживал. Мы, ведьмы, острее других чувствуем мир: цвета, запахи, текстуры, образы. Сейчас я наверняка выглядела странно, поглаживая кончиками пальцев мягкую сияющую ткань, наслаждаясь тем, как она отзывается на мои прикосновения... Не искушая судьбу, накинула столь грубо предложенную накидку на плечи и посмотрела за окно. Желания продолжать разговор с владыкой у меня не было, выяснять по какой причине он не побрезговал делить со мной карету – тоже. Тем не менее, дракон проявил удивительную коммуникабельность:

– Грехильда щедра на благодарность. Это оскорбление не носить драгоценности, подаренные драконом.

– Ирда не дарила мне украшений, – ответила негромко, рассматривая звезды на чернильном полотне неба. Оно чем-то напоминало тонкую, но такую теплую ткань драконова камзола.

– Вот как? Сложно в это поверить. Никакой благодарности?

– Почему же. Я приняла ее благодарность тем же способом, которым принимаю ее от других.

– И где же она?

– Здесь, – прижала ладонь к сердцу и посмотрела в сияю-

щие фиолетовые радужки глаз дракона. Просто все остальное скорее угадывалось, чем виднелось. Вместо белого камзола на нем снова черный, черные же волосы сливались с темнотой ночи, а черты его лица, время от времени облагороженные касанием лунного света, завораживали, но я поспешила стряхнуть с себя это очарование. Красивых людей очень много. Вот только красота драконов обманчива и коварна.

Ответом стал презрительный смешок, но отвечать на него не хотелось.

– Могу я вам чем-то помочь, милорд? Желаете вновь меня допросить?

– Допросит вас ирд Д’Остраф. Завтра.

Новость не порадовала. Повторный допрос может означать, что мне следует срочно паковать вещи. Впрочем, это не поможет. Ровно в полночь, где бы я ни успела скрыться, насколько далеко бы ни убежала, меня выдернет из реальности и перенесет в уже опостылевшую спальню... А ведь скоро полночь. Боюсь, если Бартон решит везти меня до самого дома, я распадусь на золотые искорки прямо в карете!

– Решил вернуть вам кое-что.

И мне протянули мешочек из темно-синего бархата, который дала драконица, чтобы укрыть аметист от посторонних глаз. Я не хотела ставить владыку в неловкое положение перед гостями, потому скрыла приглашение на отбор таким вот образом.

– Я всего лишь отдала вещь, которая оказалась у меня по ошибке.

– Вы осознали, с кем разговариваете, госпожа Айнари?

– Осознаю, ард Нойрман. Но при всем моем уважении, я уже получила приглашение от другого дракона и не имею возможности принять ваше.

– Вздор. Правила отбора позволяют принять до пяти предложений, – огорошили меня, а затем и вовсе нагрубостили. – Думаете, мне доставляет удовольствие приглашать на отбор человека?

– Так не приглашайте, милорд! – я возмутилась. – Вас же не заставляет никто! Жизнь слишком коротка, следуйте лишь своим желаниям и зову сердца.

– Ваша жизнь. Не моя.

Я закусила нижнюю губу. Вот ведь глупая. Драконы живут сотнями лет. Особо сильные – тысячелетиями. Надо же было забыть об этом. Передо мной наверняка создание, которое видело взлет и падение империй, расцвет природных ведьм и период их истребления. Его голова – настоящая сокровищница. Вместилище восхитительных и уникальных воспоминаний!

– О чем вы думаете, глядя на меня так? – с раздражением спросил дракон.

– О том, как вам повезло.

– Желаете жить вечно?

– Пресветлый василек, конечно же нет! Везение заключа-

ется не в этом, а в ваших воспоминаниях. В том, что вы видели. Свидетелем и участником каких событий стали! Наверняка вы застали падение империи ночных демонов, видели пробуждение патриархов в Сириме и открытие радужных земель!

Последнее меня особо волновало. Радужные земли – место, где я так мечтала побывать с самого детства. Далеко-далеко на юге, между Эсаилом и южным морем открыты удивительные земли, где не гаснут изломанные яркие радуги, а среди них прогуливаются величественно прекрасные единороги и порхают феи, не знающие норианского языка. Это место получило особый статус заповедных земель, куда не имеет права ступить ни одно существо со злым намерением. Долина пускает лишь тех, кого сама примет. Остальные попросту ее не найдут. Разумеется, драконы – желаннейшие гости тех мест.

– Сколько же, по вашему, мне лет?

– Четыреста? – тишина. – Пятьсот? – заметно севшим голосом.

– Эта информация не секретна, – снова раздражение.

– Простите, но меня никогда не интересовала политика.

Снова смешок. С чего бы на этот раз? Мне, наверное, никогда не понять этого дракона. Видно же, как я ему не нравлюсь, тем не менее, он здесь... Это как не любить суп с моллюсками, но упорно заставлять себя есть его.

– Радужные земли были открыты до моего рождения.

Значит, ему меньше трехсот, но все равно – весьма внушительный возраст. Расцвет сил у дракона как раз в триста-четырееста лет. Не удивительно, что он стал владыкой. С возрастом драконы становятся невероятно мудрыми существами – ведь за их плечами история мира и их участие в ней. Но вот физические силы серьезно падают. Да и чем старше, тем меньше желания лезть в политику. Госпожа Венера все время повторяет, что годы делают свое дело. Чем человек старше, тем больше ему хочется тишины и покоя. Уверена, у драконов так же. Поэтому самые старые, именуемые драконами мудрости, скрываются далеко в горах и редко появляются в столице. Лишь по особой просьбе императора.

– Но это одно из прекраснейших мест в Нории. Если вы там не были – обязательно побывайте. С вашей впечатлительностью вы останетесь в восторге.

Перевела удивленный взгляд на дракона и не сдержала улыбку. И даже не из-за слов, хотя и из-за них тоже. Просто я не почувствовала ни злости, ни гнева, ни ярости в этот миг, что само по себе удивительно. Владыка, как шептались слуги, теряет контроль над зверем, поэтому ищет хранильницу. Очевидно, мне каким-то невероятным образом удастся его успокоить, поэтому дракон и тянется ко мне. Я – его суп с моллюсками. Противный, ненавистный, но за неимением иной еды, необходимый для выживания.

– Думаете, я могу вам помочь?

Дракон встрепенулся, а на меня вновь плеснуло холодной

волной раздражения.

– Не нужно, я вам не враг, милорд. Вы же знаете, слухами земля полнится. Говорят, что вы теряете контроль над зверем... Если я могу быть полезна ... – отчего-то стало трудно говорить. Ведь понимала, что это не мое дело, понимала, что следует быть осторожной, но сущность Борхес уже оседлала боевого коня и рвалась в бой, выручать обиженных и обездоленных. – Если вы думаете, что могу, я...

В мою ладонь без слов лег сиреневый камушек, в лунном свете преобразившийся до неузнаваемости. Прозрачный, с мелкими вкраплениями золотых искорок. Серебристые полосы лунного света проходили сквозь него, причудливо изламываясь и возвращая сияние уже иссиня-фиолетовым. Не сразу заметила, что цифра изменилась.

– Что значит единица?

– Вам обо всем расскажут во время обучения. Время и место сообщит камень.

Вот и поговорили.

Пейзаж за окнами изменился – мы въехали в город. Стук копыт стал громче – камень здесь грубее: крупнее и острее. Извозчики часто жалуются, что лошади портят себе ноги, но, сколько себя помню, жалобы остаются неслышанными. Я вздрогнула, когда раздался тяжелый бой императорских часов. Каждую полночь я слушаю этот бой, ибо он возвещает о том, что с двенадцатым ударом магия вырвет меня из реальности и унесет к нему. К моему проклятью, к бездушному

монстру. Забавно, но я бы предпочла остаться здесь, с ненавидящим меня драконом, чем вернуться туда, к человеку, который полагает, что я смогу его однажды полюбить, просто плохо стараюсь, раз не получается.

Второй удар. Следует поспешить. Нужно как-то выбраться из кареты, иначе рассыплюсь на искры и тогда от обвинений в ведовстве точно не отделаться! И ведь никто не станет разбираться, что это колдовство, а не ведовство. Точнее, разбираться-то будут, но уже после того, как мне голову отрубят. Сколько раз уже так было. А сколько раз сжигали невинных девушек в пламени дракона, просто, чтобы узнать, ведьмы они или нет? Сгорела, значит, невинна была, не сгорела – ведьма – на плаху.

– Я выйду здесь.

– Очень сомневаюсь, – дракон даже за окно не посмотрел.

А ведь мы проезжали окраину города, район троллей и орков, представителей низших рас, где одиноким девушкам нежелательно даже днем появляться, не говоря уже о том, чтобы разгуливать ночью. Это, можно сказать, предложение надругаться над собой. Сюда даже патрули ночной стражи не заглядывают.

– Мне, правда, очень необходимо выйти!

Четвертый удар.

– Куда же вы так заторопились, госпожа Айнари?

– Не хочу отрывать вас от дел. Вас же гости ждут в гнезде!

– Подождут. Никуда не денутся.

Шестой удар. Что же делать? Что мне делать?

– А вдруг разлетятся?

– Прилетят обратно, – на меня посмотрели очень-очень внимательно, я бы даже сказала пристально.

Восьмой удар. Пресветлый василек, ну за что?

Девятый удар.

Резко дернула ручку и выскочила из кареты прямо на ходу. Благо Бартон ехал неспешно, и я ударилась не очень сильно.

– Анотариэль! – грозный рык за спиной.

Но я рванула с места и понеслась вперед. Шмыгнула за угол, принялась петлять. За годы жизни в особняке графа Братстона я научилась двум вещам: быстро бегать и хорошо прятаться.

С двенадцатым ударом часов, с очередным яростным стуком сердца, я увидела скользнувшую в небе огромную лилово-фиолетовую тень, а затем мир рассыпался множеством золотых искорок и закружился в стремительном магическом вихре перемещения.

– Великолепно! – раздалось ехидное замечание графа Братстона, вольготно развалившегося на кровати в чем ма-тушка родила. А родила она его, весьма некстати, в неглиже.

Ждал. Как и всегда. Тщетно надеялся неизвестно на что.

Я резко развернулась, нашептывая заклинание щита.

– Ipsitum! – воскликнул он.

Что-то звякнуло и мой щит опал на мягкий синий ковер

видимыми лишь мне магическими плетениями. Тот самый момент, тот самый день...

– Borhes de sha! Astaros di omnium!

Прошептала, пока граф лениво поднимался с кровати, полагая, что теперь получит доступ к моему телу. Повернулась, наблюдая за происходящим сквозь заметно мерцающую золотистую пленку нового щита. Буквально вчера госпожа Венера научила меня этому заклинанию. В отличие от предыдущего, этот рассчитан не только на людей и нежить. Он на всех рассчитан. Как бетонная стена, которая не разбирает, кто к ней подошел. Не пускает и все. Заклинание тратит гораздо больше сил, и за ночь я окончательно вымотаюсь, но, хотя бы избегу приставаний его сиятельства.

– Подготовилась, значит, – он швырнул на пол цепочку с белым камнем.

Должно быть, выучил мое заклинание и заказал у колдунов артефакт противодействия. Уже второй раз он так делает. Нужно, видимо, шептать тише. Вот только сила ведьмы – в слове. Чем громче и уверенней слово, тем эффективнее действие. Визуализация здесь не поможет, проговаривание про себя – тоже. Это колдуны могут такое, но не ведьмы.

– Не я одна, – сняла с плеч камзол владыки драконов и положила на кровать, аметист спрятала под подушку и, сбросив туфельки, улеглась в одежде прямо поверх одеяла.

Увы, моя кошелка с изумрудом и личными вещами осталась в карете. А ведь там мошна со всеми деньгами. Вряд ли

владыка решит отнести ее в свою сокровищницу – сумма-то смехотворная, да и сама мошна уже с латкой на доньшке, но все равно как-то неприятно.

Бросила взгляд на его сиятельство. Граф Братстон – высокий, даже я бы сказала симпатичный мужчина с голубыми глазами и длинными волосами цвета зрелой пшеницы. Ему сорок пять, хотя в силу проклятия выглядит уже на шестьдесят, холост, лишен души, точнее, значимой ее части и привязан к Астории сильнейшей магией. Прокляла его темная эльфийка, за дело, видимо. Абы за что таким страшным способом не наказывают... Я же по доброте душевной, попалась на удочку графа, когда сама нуждалась в помощи. И теперь все так неправильно и сложно, что оказываясь каждую полночь в этой ненавистной спальне, я просто сворачиваюсь калачиком на своей кровати, не снимая одежды, а с первыми лучами солнца, как только становится можно, вскакиваю и со всех ног бегу прочь из ненавистного особняка. Уже там, в аптекарской лавке госпожи Венеры, точнее, на втором этаже – в ее жилище – я принимаю душ и урываю полтора-два часа настоящего сна, после чего помогаю немного по хозяйству и бегу к пекарю Лорису. Так начинается мой день. Моя жизнь. Точнее, светлая ее сторона. А здесь и сейчас нужно потерпеть. Самое главное – я в безопасности. С момента инициации я в безопасности.

– Ухажера себе, значит, нашла, – донеслось сверху. Оттуда, с линии щита, надежно укрывающего меня от графа.

Я молчала. Это недолго продлится. Нужно потерпеть. Ему быстро надоест сотрясать воздух и стучаться в закрытые двери, и он вернется в свою постель. Даже не понимаю, на что надеется, продолжая вести себя так? Можно сколько угодно биться головой о стенку, в дверь на от этого не превратится.

– Я ведь отыщу его. Отыщу и на тот свет отправлю.

Не сдержала смехок. Хотела бы я посмотреть на лицо его сиятельства, когда он попытается владыку драконов на тот свет отправить! Зрелище получилось бы то еще!

– Весело тебе? Что, из лордов? Сразу вижу, из лордов. Вещица дорогая. Но не забывай, где бы ты ни была днем, с кем бы ты ни была, каждую ночь ты будешь возвращаться сюда! Ко мне! Потому что ты, Анотариэль, неблагодарная чернавка, никому ненужная сиротка, целиком и полностью зависишь от меня!

Отчасти граф прав. Поначалу действительно так оно и было. Он дал мне работу, крышу над головой и даже немного в долг, чтобы я могла приобрести самое необходимое. Жаль, что тогда я не понимала, какую ошибку совершила! Если бы сразу согласилась на предложение госпожи Венеры принять дар, не оказалась бы в такой ситуации. Но семнадцатилетняя девочка при слове «ведьма» как и другие, испуганно отшатнулась и, слушая через слово, бледнела все сильнее. Убежала тогда, полагая, что и без дара справлюсь, зато живой останусь.

Вернулась к ней только через два месяца, познав гнев при-

роды за отказ пройти инициацию: граф Братстон, ведьминская лихорадка... Госпожа Венера помогла со вторым, но оказалась бессильна помочь с первым. Снять проклятие с графа может, как мы думаем, лишь ведьма ковена Сотхо – они специализируются на проклятиях. И то не любая, а ведьма первого круга. Да только где найдешь такую? Если и найдешь, то уговорить помочь Борхес – нереально! Они ненавидят нас испокон веков.

– И меня ты должна полюбить, слышишь? Меня! – крикнул он, запустив в стену чем-то тяжелым.

Я даже не вздрогнула и глаз не открыла – привыкла. Меня надежно защищает щит, а остальное неважно. Шесть часов и я свободна. А граф, он от бессилия беснуется.

– Молчишь, значит. Запру, Анотариэль, в подземелье запру!

– Тогда никогда, слышите, никогда и никто с вас проклятье не снимет! – не удержалась от ответа.

– Думаешь, кроме тебя нет девушек, светлых душой?

– Думаю, вы настолько опустили себя в глазах общества, что ни одна девушка, какой бы ни была ее душа, в ваш дом добровольно не войдет! И вы это сделали. Вы сами. Я могла бы вас полюбить. Правда могла бы. Но вы все делаете, чтобы вас ненавидели!

– Неблагодарная! Я даю тебе кров!

– Буду рада его лишиться! – скрестила руки на груди и повернулась на другой бок.

– Не смей поворачиваться ко мне спиной! Ты никто и звать тебя никак!

– Я человек и звать меня Анотариэль. Этого мне достаточно!

– Ты не человек, ты ведьма. И я сдам тебя властям, тебе голову отрубят!

– Да на здоровье. Вы же сами связали наши жизни из страха, что я могу причинить вам вред! Пожинайте последствия. Вы тоже не можете причинить мне вред. Заклятье необратимо.

– Я врал.

– Тогда снимите его, – повернулась, хищно сверкнув глазами. Разумеется, даже графа Братстона, которого я, пожалуй, за три года почти возненавидела, ни за что не стану убивать. Ну не смогу. Просто не смогу. Но он-то этого не знает.

У него от гнева губы затряслись и нос дернулся. Ткнув в меня пальцем, он пожевал губы, рыкнул что-то нелицеприятное и даже нецензурное, после чего вернулся в кровать. Вот и все. Можно немного отдохнуть, а утром – свобода и очередной день...

Уснула я быстро и была полностью уверена, что, как и всегда, проснусь от внутреннего щелчка. Каждый день ровно без пяти минут шесть я просыпаюсь, бегу к главным дверям особняка, чтобы в шесть часов переступить его порог. Но сегодня все пошло не по плану.

Проснулась я куда раньше, когда высоко в небе свети-

ла луна, заглядывая сквозь открытое настежь окно, серебря комнату магическими бликами. Вот только не до красоты мне было, поскольку надо мной, в нескольких сантиметрах застыло хищное порождение темной материи. Талдох. А на меня накинута сеть сонного оцепенения. Ни пошевелиться, ни вздохнуть, ни закричать. Разумеется, и защитить себя я не в силах. Щит, что должен был оберегать, давно истлел под натиском столь сильной сущности, оставив мне лишь ужас, ледяющий душу и сковывающий волю.

– Вот мы и встретились вновь, моя сладенькая душенька, – по щеке прошел холодок от мертвенного воздушного пальца ведьмы.

Ровно сутки после того, как в тебя заглянула тьма, ты в опасности. От нее не скрыться, не убежать и не спрятаться. И сейчас даже васильки, почерневшими черными комочками разметавшиеся по подушке, не стали преградой. Духу пришлось повозиться с моей защитой, пока я спала, но для талдоха это, по сути, пустяк. Я не дышала, глядя испуганными глазами на клубящуюся перед собой тьму, источающую могильный холод. Мерцающие красные точки вместо глаз впились в мое сознание, пытаюсь вышвырнуть его из тела. Я цеплялась, я изо всех сил цеплялась за реальность, но понимала, что проигрываю схватку. У ведьмы пятого круга ни единого шанса.

– Ты будешь любимой игрушкой в моей коллекции ведьмочек Борхес! – воскликнул Талдох и метнулся ко мне.

Вот и все.

Пресветлый василек!

Ярко-фиолетовая вспышка заставила вздрогнуть меня и сущность. Оцепенение, поддерживаемое талдохом за счет призвавшей его ведьмы, пало. Дух вновь кинулся ко мне, но ударился в фиолетовую стену и прилип к ней намертво. Пытаясь вырваться, сущность верещала сотнями голосов: от звонких детских до гортанных мужских. Мне даже пришлось зажать уши. Яростная тьма, пожираемая разрастающимся фиолетовым свечением, проигрывала и постепенно поглощала духа. Но... как? Как такое возможно? Что за магия сейчас творится на моих глазах?

– Ты еще пожалеешь! Ты горько пожалеешь, Анотариэль Айнари! Мы еще встретимся!

Это были последние слова, оброненные духом. Фиолетовое сияние заполнило комнату, было таким ярким, что я зажмурилась, а когда открыла глаза – все исчезло. В напоминание о случившемся кошмаре остался лишь васильковый пепел на моей подушке.

Тишина.

Все это происходило в сумеречном мире. Том, который не виден и не слышен другим, потому граф спокойно спал в своей кровати, даже не подозревая, что только что происходило в каких-то паре метров от него.

Я достала аметист, преподнесенный драконом. Защита? Внимательно рассмотрела теплый камень, но не почувство-

вала никаких магических вплетений. Впрочем, это и невозможно. Драконы – есть магия и все, что с ними связано – тоже. Потому на них и эльфов не реагируют магические оповестители. У них нет резерва. И магию их заметить невозможно. Вот только почему-то я ни чуточку не сомневалась, что сохраненной жизнью обязана не кому иному, как Ролдхару ард Нойрману. Самому несносному и горделивому из всех известных мне драконов. Во всяком случае, из двух известных мне драконов лично, а не по рассказам, он явно самый... странный.

Стоит ли говорить, что уснуть у меня до утра не получилось? Я восстановила щит и шепотом считала. Просто когда свой голос слышно, хотя бы шепотом, то не так страшно. Это только кажется, что ведьмы бесстрашные. Что маги ничего не боятся и колдуны тоже. Увы, чем больше знаешь, тем жить страшнее. Обычных людей почти не касается нижний мир. Темная материя рвется в средний мир через таких, как мы. Через тех, кто чувствует соединение миров, чувствует энергетические потоки, может воздействовать на них. Талдох может лететь сквозь толпу, задевая своими рваными одеждами обычных людей, но они ничего не почувствуют, если сущность этого не захочет. Они даже не увидят его, просто потому, что не способны воспринять сумеречный мир. И талдох их не увидит. А мы увидим. И тьма заглянет в нашу душу, которая горит желтым огоньком в их темном и холодном царстве. Вся тьма мира тянется к нашему огоньку.

Первое, что сказала мне госпожа Венера: «Цветочек, инициированная ведьма – огонек, который притянет к себе все зло мира. Но именно на этом огоньке весь мир и держится! Благодаря ему живет и не теряет веру». Шутка ли? Услышав такое, семнадцатилетняя девочка, потерявшая всех и саму себя, опрометью бросилась из аптекарской лавки...

Деревенские дети на выдумки горазды и часто любят приукрашивать. Я с детства наслушалась историй о духах, призраках, существах нижнего мира и боялась с ними столкнуться. А тут мне прямо с порога заявили, что не возможно столкнусь, а столкнусь обязательно... Как оказалось, куда страшнее духов – люди и человеческая жестокость. С первыми может справиться заклинание и правильно проведенный ритуал захоронения, а вот от второго противоядия не придумано. Человеческая жестокость – болезнь лечению не поддающаяся. Зло можно только добром победить и бесконечным терпением. Но как же это непросто. Это так непросто, что порой уныние обурекает. Но стоит госпоже Венере ласково улыбнуться и погрозить пальчиком, или господину Лорису накормить вкусными пирогами после смены просто так, за счет заведения, как мир становится чуточку лучше, и снова появляются силы. Человеческая душа на самом деле уникальна. В ней колоссальный резерв для самовосстановления. Она может пережить лютое зло и возненавидеть мир, но даже малое добро может возродить ее. Главное, надежду не терять.

Поэтому владыку драконов мне на самом деле было жаль. И поэтому я не очень обижалась на его слова. Хотя, признаться, хотелось. В его присутствии мне было страшно – такая мощь, такая сила, что коленки невольно подрагивают. Но при этом я чувствовала, как душа его мечется. Как ярость из самого сердца плещется. Но ярость не человеческая – звериная! Каков же он на самом деле, милорд Ролдхар? Мысли о драконе как-то незаметно успокоили, заставили забыть о пережитом ужасе. Он не повторится. Не сегодня, во всяком случае. А с последствиями поможет справиться госпожа Венера.

На горизонте занимался рассвет. Там, далеко-далеко, над черно-изумрудными лесами вилась алая дымка зарева. Со- всем бледная еще, неуверенная. Но небосвод над ней уже начинал светлеть, предвещая наступление нового дня.

Тревожно.

Я бесшумно поднялась – за три года научилась уже – достала из шкафа сменный сарафан в ромашку, завернула в него драконов камзол и камушек. В этот раз обязательно верну. И камень, и камзол. Впрочем, камень все же оставлю, ведь изумруд с другими вещами остался в карете, а участие в отборе хранительниц, пожалуй, мой единственный путь к пониманию подсказки леди Рейнгард. Сердце влюбленного дракона. Слова ведьмы не всегда следует понимать буквально. Возможно, чтобы снять проклятие с графа, вовсе не обязательно вырезать у влюбленного дракона сердце? На такое

я никогда не пойду. Возможно, имеется в виду что-то другое? А может и вовсе живое сердце ни при чем, и у драконов имеется особый артефакт? Заклинание? Что-то еще... В любом случае, мне не узнать это из книг или знаний госпожи Венеры, поскольку драконы тщательно охраняют свой мир и стерегут тайны, подпуская к ним лишь избранных. Одной из таких избранных могу стать я.

– Позавтракай со мной, – за спиной раздался сонный голос графа.

Я замерла на миг, обернулась. За все годы, что я провела в дорогой тюрьме под названием «поместье графа Братстона», он никогда не предлагал разделить с ним пищу. Сердце тревожно кольнуло.

– Не будь мы связаны, я бы решила, что вы хотите меня отравить.

– Очевидно, я что-то делаю не так, – мужчина повернулся на бок и подпер голову рукой.

– Вы все делаете не так, ваше сиятельство.

– Подскажи, – лениво и с любопытством.

– Вы обнажены и это пугает.

– Смысл одеваться, если итог всегда один? – он пошло улынулся и поиграл бровями. – Позавтракать можно и в постели. Совместить приятное с полезным!

Ну вот, а я уж было решила, что случилось невероятное, и граф действительно решил измениться, хотя бы приложить немного усердия для снятия проклятия. Сложно полюбить

такого человека. Ведьма, проклявшая его, невероятно жестока...

– Мне жаль вас, Адриан. Правда, жаль.

Грустно улыбнувшись, я ступила в коридор, но услышала тяжелую спешную поступь. Ускорила шаг, уже спускалась по центральной лестнице, когда услышала оклик:

– Анотариэль, подожди! Да подожди же ты!

Он совершенно не стеснялся следовать за мной голышом. Кого стесняться в доме, полном нежити? Зачем стесняться меня, если я умею отворачиваться и давно смирилась с его озорством и хулиганством?

– Давай проведем этот день вдвоем! – он преградил мне дорогу и попытался подойти ближе, но мой восстановленный щит не позволил этого сделать. – Давай попытаемся.

– В который раз? Вы даже не соизволили прикрыться!

Подобные разговоры мы вели не раз. И я пыталась. Пару раз даже мы пытались. Все заканчивалось одинаково: через пять минут он опускался до пошлостей, цинизма и откровенных оскорблений. Я не выдерживала, поднималась и уходила.

– Не ты ли говорила, что каждый человек имеет право на ошибку?

– Одну, ваше сиятельство. Одну ошибку. Возможно, две или даже три... Но, когда человек с упорством наступает на одни и те же грабли, которые каждый раз бьют его по лбу и ожидает, что эффект будет какой-то другой, он мечтатель и

фантазер!

– Ты щадишь слова. Скажи откровенно, что я глупец! По-твоему я глупец?

Я тяжело вздохнула и прикрыла глаза, злясь на саму себя. Граф не властен над собственными словами и реакциями. Это как с ребенком спорить. Конечно, поговаривают, что и до проклятья он был червивым яблочком, но лично мне плохого ничего не сделал. Хотя, не будь на мне щита, сделал бы. Еще как сделал бы!

– Вы не глупец, ваше сиятельство. Вы – жертва собственных ошибок. И я, правда, искренне надеюсь, что когда мы снимем с вас проклятье, вам удастся сделать выводы и изменить свою жизнь к лучшему.

– Ты веришь в меня? – изумился он. – После всего, что я делал и говорил, ты веришь в возможность искупления и прощение для меня?

– Верю, – чистая правда, но граф, кажется, не верил. Возможно, ему действительно не хватает веры в него? Решившись на отчаянный шаг, я сняла с себя щит. – Правда, верю.

– Дура! – он схватил меня за запястье и злобно расхохотался, но в следующий миг взвился яростный поток силы и отшвырнул графа в другой конец гостиной. Проломив спиной стеклянный журнальный столик, он простонал и затих.

Я взвыла от боли, а спину защекотало. Едва успела схватиться за деревянные перила, чтобы не упасть. Камень дракона... Фиолетовое сияние. Кажется, он подстроился под

мои чувства и реагирует на страх, вспыхивая каждый раз, когда мне грозит опасность. Камень не способен сам думать и анализировать, но магия драконов завязана на эмоциях. И страх часто выступает одним из наиболее сильных катализаторов защитных заклинаний. Мне ли не знать, ведьмы Борхес специализируются на защитной магии.

Граф не шевелился, но был жив. Я ведь жива. Хоть и рана. Воспользовавшись возможностью, покинула поместье. Несмотря на боль и травму спины, мне не хотелось оставаться в этом проклятом месте ни секундой дольше. Графу помогут. Нежить не имеет чувств, но способна совершать простейшие логические операции. Вызовут лекаря, обработают рану. А мне поможет госпожа Венера. Главное поспешить, сознание не потерять дорогой, иначе худо будет. Платье намочло и неприятно липло к телу. Я спешила, понимая, что силы утекают вместе с кровью, но до госпожи Венеры дойти все равно не успела. Дом графа на самом юге, а аптекарская лавка почти на севере. Каждый день почти час я неспешно прогуливаюсь, наслаждаясь непередаваемой утренней свежестью, собираю васильки в поле возле поместья, бреду по дремлющей столице, такой необычайно тихой в предрассветные часы. Она еще не гудит, словно пчелиный рой, но уже начинает просыпаться. Медленно, лениво, как сытая кошка...

Но сегодня не до прогулок. Спина ныла от боли, меня то обдавало невыносимым жаром, то сковывало таким холодом, что зубы стучали. Голова кружилась, в ушах шумело. Я

почти не разбирала, куда иду. Шершавые стволы под пальцами, хруст веток под ногами, какие-то вывески, блеск оконных стекол. Слышались какие-то голоса, нарастающий гул... Когда неподалеку мелькнул бежевый камень «Драконьей чешуи» – одной из дорогих рестораций столицы, я уже хотела постучаться в их двери и попросить о помощи. Оставалось метров десять, не больше, но сознание стремительно темнело, а земля так быстро приближалась! И где-то сбоку черная фигура мелькнула. Женская, чужая, опасная...

В аптекарской лавке госпожи Венеры

Меня разбудил резкий запах озона. Не тот приятный, что после грозы дарит воздуху необычайную свежесть, делая его вкусным, а почти невыносимый. Настолько, что к горлу невольно подступил спазм тошноты. Рядом с кроватью на полу стоял пустой таз. Видимо, это не первый спазм. Но я быстро обо всем забыла, услышав голоса.

– Здесь никого нет, милорд!

– Венер-ра, – прорычал знакомый голос. – Хочешь узнать, с какой скоростью сгорают люди?

– Не стоит мне угрожать, ирд Д’Остраф. Я дама в возрасте и повидала немало, чтобы утратить страх. К тому же, вы прекрасно знаете, меня подобные угрозы не пугают.

– Похвально. Весьма похвально для человека. Вот только ты не учитываешь два обстоятельства.

Мужчина замолчал, а я села в постели, прислушиваясь к

разговору на первом этаже. Деревянные стены дома слишком тонкие, через них хорошо слышны любые звуки. В том числе и скрип старенькой кровати с пружинным матрасом.

– Первое. При госпоже Айнари кристалл владыки драконов. Ну же, не смотри на меня таким взглядом. Ард Нойрман, как и я, разглядел в ней потенциал. Совсем скоро Анотариэль станет хранительницей одного из нас. Моей хранительницей, – поправил он, сделав акцент на слове «моей». Этот акцент не понравился. Совсем-совсем не понравился. Я неосознанно сжала одеяло из лебяжьего пуха и подтянула до самой шеи. – Второе. Кристалл, который она получила – сильнейший охранный артефакт, и он сработал. Дважды. Третье. У драконов отменный слух и на втором этаже сейчас кто-то очень испуганно копошится. И это не твоя кошка, это человек! Я тебя слышу, Анотариэль!

Сердце бухнулось в пятки. Дракон говорил не то с радостью, не то в шутку. Слишком уж весело звучал его голос. Преувеличенно весело.

– Ты в моем доме, Абелард! – предупредила госпожа Венера, перейдя на шепот, но я все равно отчетливо слышала, как она обратилась к дракону по имени. По имени! – Помимо меня здесь мои племянницы, которых ты, несомненно, разбудил громкими разговорами.

– Так идем быстрее! Не терпится познакомиться с племянницами! – дракон явно забавлялся.

По закону он может молча и без объяснений войти в лю-

бой дом. Просто, если посчитает это необходимым для обеспечения общественной безопасности. Но перед верховной ведьмой почему-то объяснялся, хоть и в весьма не свойственной драконам манере. Неправильный он какой-то дракон. Озорной слишком, как мальчишка.

– Они молодые девушки! Присутствие мужчины может их напугать и смутить...

– Ничего-ничего. Они все сначала пугаются, затем смущаются, а потом улыбаются и воркуют! – радостно воскликнул дракон, и я отчетливо услышала тяжелую поступь, хотя драконы ходят бесшумно.

Скрипнула деревянная лестница. Следом за драконом двинулась госпожа Венера, понимая, что не в силах ничего ему противопоставить. Намерения мужчины неизвестны. Не станет же она нападать на дракона, в самом деле! Да и не нападают Борхес. Наша стезя – защита, исцеление и общение с духами.

– Ирд, что вы говорите?! – какое-то неискреннее возмущение.

– Правду, моя дорогая. Ты же сама понимаешь. Назови навскидку десять девственниц столицы?

Тишина.

– Ну, вот и я о том же!

Панибратское и даже с превосходством обращение к госпоже Венере сначала удивило, но потом я вспомнила, что ирд Д’Остраф – дракон. Если владыке меньше трехсот, уверена,

не намного, то и изумрудному не меньше. Значит, он минимум вдвое старше госпожи Венеры. По драконьим меркам она совсем еще юна.

В холле второго этажа пять одинаковых дверей. Я вздрогнула, когда дракон безошибочно открыл нужную и притянула одеяло еще выше. Сейчас пахнувший свежестью лен скрывал меня почти полностью. Торчала только макушка, да большие перепуганные глаза.

Встретилась взглядом с драконом и забыла как дышать. Зачем он пришел? Что ему снова от меня нужно? А изумрудный стоял на пороге в темно-зеленом камзоле с золотой оторочкой и довольно улыбался. После чего и вовсе, похлопав по спине госпожу Венеру, что едва ему до плеча доставала, произнес:

– Принеси нам чаю, хозяйюшка. Да побыстрее.

Госпожа Венера, а к сестрам, даже самым высшим, мы всегда обращаемся по имени, едва заметно развела руками, показывая, что ничего не может поделать и вынуждена вновь оставить меня наедине с драконом. Вот только страха больше не было. Если кто и способен чувствовать замыслы других, так это верховная ведьма. Угрожай моей жизни опасность, госпожа вела бы себя иначе.

Страх-то не было, а вот смущение! Пока прислушивалась к разговору внизу, успела узнать, что нахожусь в одной лишь ситцевой рубашке для сна. Коротенькой, до колен всего. Ночи в Астории зачастую жаркие, к тому же не видит ни-

кто, потому вольного фасона я не стеснялась. Ровно до этого момента.

Кажется, ирд Д'Остраф это понимал. Во всяком случае, когда окинул ироничным взглядом тесную коморку с большим окном, счел, что наиболее интересным объектом для внимания являюсь я. И мой сарафан, что висел на спинке стула. Уже выстиранный, без пятен крови.

– Муж разводу не рад.

Констатация факта. Я лишь подняла брови из своего одеяльного окопа, не понимая, о чем толкует дракон. Мужчина, тем временем, не дожидаясь приглашения, прошел в комнату, отодвинул простенький деревянный стул и вольготно на нем устроился. По размерам стул явно был маловат, все же для человеческих дам предназначался, но изумрудный на этот досадный факт внимания не обратил.

– Кристалл, отбор хранительниц, охранная магия, – пояснил он, озорно сверкая глазами.

Продолжала молчать. Сказать, в сущности, мне было нечего.

– Так и будете прятаться за своим одеялом?

Поспешно кивнула.

– Досадно, – хмыкнул он, а затем отодвинул ногой второй стул, стоявший рядышком, и похлопал по нему ладонью.

На этот раз мотнула головой. Каков хулиган! Я ложной скромностью не отличаюсь, но щеголять в откровенном наряде перед мужчиной – неприемлемо! Пусть мы однажды де-

лили с ним постель, но это была вынужденная мера, чтобы инициацию пройти. Выпила я столько, что не помню, как до кровати дошла после полуночи...

– Выпьем?

– Кто же пьет в первой половине дня?

– Хмельной ты мне нравилась куда больше, – озорные искорки пропали из изумрудных глаз. – Я не увижу ничего нового, уверяю.

– А давайте вы, как настоящий джентльмен, просто забудете о том вечере? Я была бы вам очень и очень благодарна.

– Назови меня по имени.

Наверняка я сейчас покраснела. Для нас, ведьм, имя – нечто интимное. В колене мы обращаемся друг к другу по имени, это подчеркивает нашу связь, сестринский статус. Если кто-то назовет меня Анотариэль – это ничего. Но вот в силу личных предубеждений, мне сложно обратиться по имени к чужаку. Тем более, к дракону. Это словно накладывает обязательства сделать шаг навстречу. Не физически, нет, физическую близость одолеть не сложно. Это заставляет душу приоткрыть...

К счастью, мне не пришлось искать подходящие для ответа слова, ведь вошла госпожа Венера с серебристым подносом в руках. Звякнули фарфоровые кружечки с золотистой узорной каймой – этот набор верховная ведьма достает лишь по особым случаям, для важных гостей. Комнату заполнил манящий аромат крепко заваренного листа черной смородины.

ны. Едва слышная нотка настороженности вызвала улыбку. С таким чаем следует быть осторожней. Госпожа решила немного усыпить бдительность ирда Д'Острафа, сделать его более рассеянным. На стол легла вазочка с вареньем из апельсинов с кусочками цедры. Одно из моих любимых.

– Господин дракон, ведите себя прилично, пожалуйста. Анотариэль – хорошая девушка. Она не заслужила дурного отношения и ненужных слухов.

– Ну что вы, госпожа Делунаторес. Имею исключительно благородные намерения.

Подчеркнуто официальное обращение никак не вязалось с образом Абеларда. Да и госпожа Венера не поверила, хотя все же оставила нас наедине. Но за чай ей отдельное спасибо. Не нравилось мне столь пристальное внимание изумрудного. Сгущаются тучи над ковром Борхес, я это интуицией чувствовала. Тревожно.

– Во имя святой чешуи, Анотариэль! Перестань изображать целомудренную девицу и садись за стол.

– Я не изображаю, милорд. Вы меня смущаете и пугаете.

– Неужели я такой страшный? – он откинулся на спинку стула и сделал глоток чая. Убедившись, что дракон пригубил напиток, я уверенно кивнула. – Внешне?

Помотала головой.

– Внешне вы очень милы, господин дракон.

– Господин дракон, – недовольно повторил он. – Уж лучше милорд или ирд Д'Остраф. Я ведь могу достать тебя из

этой постели в два счета.

– Можете. Например, если выйдете и дадите мне возможность переодеться, я с радостью приму вас для беседы. Вы, правда, смущаете меня, милорд.

Внимательно посмотрев на меня, дракон сжалился и молча покинул комнату. Я не стала испытывать судьбу, откинула одеяло, наскоро сменила ночную сорочку на сарафан и переплела волосы. На голове сорочье гнездо было, не меньше! Заправила постель, накрыла ее покрывалом и села поверх, сложив ладошки на коленях.

– Можете войти, милорд!

Вошел. Не без сожаления осмотрел одетую меня и вздохнул.

– Что ж. Хотя бы без одеяла. Сядем за стол.

Хотела сказать, что мне и здесь хорошо, но обижать изумрудного не желала. Что-то мне в его поведении не нравилось. Предчувствие чего-то нехорошего жгло изнутри. Но, тем не менее, поднялась. Мне услужливо подвинули стул и помогли расположиться за обычным деревянным столом, накрытым грубой льняной скатертью с вязью охранных рун, замаскированных под обычный орнамент. Отравленная еда за таким столом мгновенно чернеет и превращается в пепел.

– Чем я могу вам помочь?

– Почему при тебе нет моего камня?

И как только догадался? Камень изумрудного дракона, как и другие мои личные вещи, остались в карете владыки. Вме-

сто ответа сделала глоток чая.

– Ролдхар? Понимаю.

Он запустил широкую ладонь в карман камзола и протянул мне новый изумруд. Нажить врагов – дело нехитрое, достаточно обидеть кого-то. Ирд Д’Остраф, кажется, уже несколько оскорбился моим нежеланием обращаться к нему по имени, поэтому я с кроткой улыбкой приняла камень и положила его на стол рядом со своей кружечкой.

– Общий сбор кандидаток в хранительницы состоится сегодня до полудня. Камень держи при себе. Когда распорядитель отбора призовет, ты почувствуешь зов. Не противься и следуй ему. Это первое испытание.

– Хорошо, милорд.

Уже сегодня! Воздух неожиданно обжег легкие, я даже прикрыла глаза на минутку, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Думала, у меня еще есть время! Столько всего сделать предстоит: предупредить пекаря господина Лориса, ему ведь нужно найти замену для меня, поговорить с Талией и помочь ей подготовиться к поступлению в магический университет, с госпожой Венерой, опять-таки, побеседовать следует. Ночное явление талдоха – тревожный символ. К тому же, дух говорил так, словно хорошо знает меня. Столько всего! И так мало времени...

– Теперь не самая приятная, но, увы, необходимая вещь, – ирд Д’Остраф поджал губы и замолчал.

Напряглась, предчувствуя беду.

– Разрешаю кричать, обидеться и даже назвать меня недобрым словом. Можно нецензурным. Если знаешь такие. Так уж и быть, можешь даже пореветь.

Закончил дракон как-то совсем не весело.

– Вы меня пугаете...

Хищно улыбнувшись, мужчина резко опрокинул на мою руку горячий смородиновый чай. Я даже крикнуть не успела – дыхание вышибло. По телу прокатилась яростная волна боли, в глазах потемнело, набежали слезы. Я вскочила, накрыв ладошкой пульсирующую кожу, и взвыла от боли.

– Что вы наделали, милорд? За что?! – простонала, не зная, куда себя деть.

Прижимала к груди обожженную руку. Каждое биение сердца отдавалось в ней острыми жалящими ударами.

Дракон стремительно поднялся и обхватил мое лицо ладонями, заставляя посмотреть в его глаза:

– Анотариэль...

Вырвалась и оттолкнула милорда. Жгло невыносимо, а он издевается словно! Металась по комнате, не находя себе места. Дракон снова остановил меня, на этот раз за плечи.

– Анотариэль, успокойся. Посмотри на меня.

Я посмотрела, вскинув подбородок и поджав дрожащие губы. Сияющие изумрудным светом глаза неожиданно привлекли мое внимание, заставив забыть и о боли, и об обиде. Я смотрела в них, как в ярко-бирюзовое озеро и не слышала ничего, кроме чарующего голоса дракона:

– У меня не было другого выхода. Все хорошо! Все хорошо?

Медленно кивнула, понимая, что боль схлынула. Рука действительно больше не тревожила, словно и не было вовсе ожога. Но ведь дракон намерено облил меня кипятком, я же видела! Он совсем не озорник, он разбойник!

– Назови меня по имени, Анотариэль. Это все изменит! Все...

Оцепенение спало. Я мягко повела плечами, чтобы высвободиться из его рук и, усердно дую на припухшую красную кожу, отошла в угол комнаты.

– Зачем вы так со мной, милорд?

Он стиснул зубы, глядя, как на моей белоснежной коже проступает багровое пятно.

– Лучше так, чем тебя убьют. С камнем не расставайся, поняла?

Кивнула, закусив губу, и отвернулась.

Дракон в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и осторожно погладил меня по щеке, стирая слезы:

– Я не дам тебя в обиду.

Сам будет обижать? В моей жизни полно желающих.

– Посмотри же на меня! – тихая просьба, но я не могла на нее ответить. На грудь будто камень тяжелый положили – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Так болит не тело, а душа. Так бывает, когда не ждешь зла, но сталкиваешься с ним. Зажмурила глаза и отвернула голову, а в следующий миг стало хо-

лодно.

Дверь за драконом закрылась бесшумно и лестница уже не скрипела...

Госпожа Венера ворвалась в комнату буквально через пару минут и уже с мазью от ожогов. Она не расспрашивала ни о чем, молча обработала мою рану, аккуратно стянула бинтом, позволяя мне выплакаться. Ведьмам нельзя держать негативные эмоции в себе, нужно обязательно выплакаться. Злость, обида или негодование могут сформировать сильный негативный поток, который в первую очередь ударит по нам самим, но может и кому-нибудь другому зло причинить. Не нужно это.

– Злой плачет от зависти, а добрый – от радости, – с мягкой улыбкой произнесла верховная ведьма.

– Да какая же радость, госпожа Венера? От горя я плачу. Душа болит!

– Хорошо, когда душа болит. Это значит, что она у тебя есть! Чем не повод радоваться?

– Почему дракон так поступил?

– Знаешь, цветочек, – ведьма аккуратно погладила мою руку поверх повязки, приятно пахнувшей травами, – ирд Д’Остраф – верховный главнокомандующий каменных драконов, взрослый мудрый мужчина. Он хоть и проказник отменный, а глупых поступков не совершает. Всегда таким был. Если сделал так, значит, нужно было.

– Вот и мне он то же самое сказал.

Вытерла слезы, пытаясь придумать хоть одну причину для подобной жестокости, но не получалось. В комнату скользнула Азалия – черная кошка, фамилляр госпожи Венеры – и ласково потерлась о мои ноги. Сразу стало тепло и уютно. Животные обладают особым умением любое, даже самое дурное настроение улучшить одним лишь своим появлением.

– Ты ведь и сама, Василек, дурного не почувствовала.

– Совсем ни капли, – запустила пальчики в густую шерстку красавицы и ласково потрепала по загривку.

– В том и дело. Пути исконной магии – они ведь неисповедимы. Нам остается лишь с благодарностью принимать испытания, которые помогают воспитывать наш дух. Прощение – основа его чистоты. Ты Борхес, в умении прощать твоя сила.

– Непросто прощать людей, причиняющих зло. Мне так тяжело, госпожа! Невозможно тяжело.

Вспомнила графа и то, как он поступил со мной с утра. Я впервые сняла перед ним щит. Можно сказать, протянула руку помощи, а он... Он поступил бездушно, как и всегда. Чего еще ожидать от человека, который действительно лишен души? Глупо надеяться, что он вдруг изменится, но я надеялась. Где-то глубоко внутри надеялась...

Госпожа Венера добродушно улыбнулась и обняла меня, как в детстве обнимала мама: прижала к себе крепко-крепко, затем отпустила и погладила по голове.

– Это никогда не будет просто, цветочек. Но, если ты поймешь, что у людей всегда есть причины поступать тем или иным образом, тебе станет немного легче.

– Значит, люди совершают злые поступки из-за обстоятельств?

– Именно. И эти обстоятельства бывают разными. Порой зло совершается во благо, а благо – во зло. Ведьмы видят и чувствуют чуть больше других, но мы не боги, нам не дано видеть картину целиком. Поэтому держи сознание открытым, не суди людей, всегда будь готова к тому, что откроются обстоятельства, о существовании которых ты не подозревала. Поверь, боль, причиненная тебе, забудется скорее, чем боль, что ты причинила другим.

Вот здесь госпожа полностью права. Я легко забываю обиды. Но, когда сама несправедлива к другим – долго от этого мучаюсь.

Сила ковена Борхес держится на трех столпах: вера, прощение и любовь. Это основа доброты и чистоты души, как учит госпожа Венера. Она искренне верит, что каждый человек приходит в этот мир, поцелованный исконной магией. Чистый, словно первый снег. Обстоятельства оставляют в этой душе следы, как люди на снегу. Вот прошла кошка, следы ее мягкие чистые, а вот печник оставил большие перепачканные сажей отпечатки сапог. Обычному человеку сложно очиститься, сложно стряхнуть с себя грязь. Мы же, ведьмы Борхес, практикуем очищение души через прощение, и так

нам удастся справляться со злом, что сваливается на наши головы.

– Жизнь редко бывает справедлива, но всегда помни, Василек, что ты не одна. Твой круг – твоя сила, твое спасение.

Лайла, Адриана, Согидель, Делила, Раттана, Огета, Ивейн, Зурика и Гвен. Десять ведьм пятого круга, включая меня. Пусть мы разбросаны по всей Гардии, пусть в столице, после убийства Раттаны и Огеты остались вчетвером, когда ведьме грозит опасность, она не одинока. Когда талдох вселился в меня, я призвала силу круга. Когда однажды Согидель находилась при смерти – делилась своей, до последней капли, лишь бы вытащить сестру из сумеречного мира. Мы – единое целое. Потеря одной – потрясение для остальных. Именно поэтому потеря Раттаны и Огеты стала для нас ударом. Госпожа Венера, как наша верховная мать, до сих пор не может оправиться. К тому же, мы так и не смогли понять, кому помешали сестры и зачем с ними так жестоко расправились.

– Спасибо, что помогли мне. Снова.

– Тебе помогли сестры, – добродушно улыбнулась госпожа Венера, разворачивая меня спиной к себе и осторожно расстегивая мой сарафан, чтобы проверить раны. Их не было, я это чувствовала. Шершавая ладонь ведьмы погладила мою гладкую кожу. – Не переживай. Шрамов не останется. Девочки постарались.

Как бы мне хотелось уметь исцелять, как архангелы дела-

ют! Приложить ладони – и готово. Но, увы... Силой круга можно исправить серьезные раны, а по одиночке – лишь незначительные. Небольшой порез, к примеру, зубную или головную боль. Госпожа Венера может больше, но ни одна ведьма в одиночку не исцелит ожог, как на моей руке или тем более глубокие порезы на спине. Зато ускорить излечение – всегда пожалуйста.

А в книге света, бережно хранимой верховной ведьмой ковена, сокрыты секреты эликсиров, мазей и сборов, способных на многие удивительные вещи. Вот, например, взять пилюли для зачатия. Они во всех аптеках имеются, доставляются с фармацевтических заводов, да вот только не работают. И не удивительно. Мел с сахарным порошком вряд ли способен помочь женщине понести. А вот боровая матка и секретный травяной сбор, добавляемый госпожой Венерой в эти самые пилюли – способны. Не удивительно, что лавка верховной ведьмы – самое популярное место у желающих завести ребеночка. Да и многие другие столь же бесполезные лекарства, рассчитанные на самовнушение пациента, при доработке оказываются эффективными и пользуются спросом. Как-то раз это даже привлекло внимание лицензионного императорского совета. Благо у Борхес везде есть друзья и знакомые. Мы вовремя заменили лекарства на фабричные. Комиссия внимательно все изучила, развела руками и списала все на чудо и случай. Вот только ведьмы знают, что заранее предреченное событие врывается в нашу жизнь пото-

ком нелепых случайностей, как, например, столкновение с владыкой драконов или падение с неба верховного главнокомандующего. Нарочно такое не придумаешь. Куда ведет цепочка этих событий, мне лишь предстоит узнать. Но, что все это не случайно, я прекрасно понимаю уже сейчас.

– Как они меня нашли?

– О, – госпожа Венера изменилась в лице. – Кто тебя нашел я, увы, не знаю. В дверь лавки постучались, а, когда я вышла открыть – ты лежала на крыльце без сознания. Кто-то остановил кровь, обработал и перевязал раны и оставил тебя именно там, где могут оказать помощь. Я попыталась найти следы того, кто это сделал, но не вышло.

– Странно, – я поежилась. Странно – не то слово! Дивно и загадочно. – Я видела женщину. Впрочем, скорее лишь очертания. Ничего определенного...

– Кто бы это ни был, Василек, должно быть, ты однажды помогла этому человеку, и он решил отплатить добром за добро. Одно точно – таинственный спаситель знал тебя и знал, где тебе помогут. Если исконной магии будет угодно, вы встретитесь однажды и у тебя будет возможность ее отблагодарить.

Азалия запрыгнула на колени госпоже Венере и, ласково промурлыкав, произнесла:

– Вам следует собираться, госпожа. Слет первого круга, – промурлыкала красавица и потерлась мордочкой о пышную грудь хозяйки. Ведьма прижала к себе фамильяра

и нежно погладила.

Когда-нибудь у каждой ведьмы появляется фамильяр. И он тоже врывается в жизнь неожиданным весенним ветром. Тем самым, когда ты еще не чувствуешь тепла, но ощущаешь дыхание перемен. Для того чтобы исконная магия послала помощника, ведьма должна достичь определенного уровня просвещения. Как правило, это происходит в третьем круге и выше. У моих сестер самые разнообразные помощники: от ящериц до птиц. Но Азалия с первого взгляда покорила сердца всех сестер. Она всем ласку дарит, как и ее хозяйка, всем помогает по мере возможностей.

– И я вер-р-рнула с поисков. Дейдр-ру найти не удалось-сь.

– Сестра второго круга?

Ведьма кивнула, плечи ее опустились:

– Не будем скоры на суждения. Мы не знаем, где находится Дейдра и почему она не ответила на зов круга.

– Ни дома, ни на р-работе, нигде нет. Запах старый, едва мр-различимый. Отсутствует уже пару дней, не мр-меньше. Заклинание пойс-ска? – сверкнули малахитовые глаза фамильяра.

– Да, подготовь необходимое, а я достану локон. Посмотрим, где она может быть. Вдруг ее схватили колдуны и нужна наша помощь?

Госпожа Венера поднялась и ласково мне улыбнулась, а Азалия убежала исполнять поручение. Все ведьмы оставля-

ют в месте силы ковена локон волос, чтобы при случае их можно было найти. Волосы и кровь – корень нашей силы. Поскольку кровь быстро гниет и кровавые культы мы в принципе не приемлем, для поисковой, родовой и защитной магии предпочитаем использовать именно волосы.

– Госпожа Венера, я еще кое о чем хотела с вами поговорить, – спешно поднялась и смяла ладошками подол сарафана. – Талдох... он... приходил ко мне вчера.

– Дорогая! Что же ты прежде молчала?

Ведьма немедленно взяла меня за ладони и подвела к окну – там света больше. Внимательно всмотрелась в мои глаза, затем, обхватив лицо шершавыми ладонями, произнесла:

– Oshia Borhes de otorion! Ashe!

Секунда, другая, третья... Я замерла, слушая грохот собственного сердца, но ничего не произошло.

– Никаких следов, Василек, – с облегчением вздохнула женщина. – Ни вторжения, ни меток, ни вложений в подсознание, ни проклятий. Ничего нет, цветочек. Но как ты защитилась? Как смогла его прогнать?

– А это не я. Это камень владыки драконов. Контур вспыхнул и... уничтожил талдоха.

– Ничего не понимаю, – удивилась женщина, рассматривая переданный ей аметист. – Чувствую лишь сильную магию, очень сильную. Но, если прежде талдох спокойно вселился в дракона, почему не смог одолеть этот контур?

– Как бы то ни было, благодаря этому артефакту я жива.

– Не расставайся с ним, Василек. И на отборе держи язык за зубами. Помни, слово – сила ведьмы. Но в слове и погибель наша. Все драконы чувствуют ложь, изумрудные – особенно. Держись подальше от хрустальных, они умеют усыплять бдительность, внушать мысли ненужные и страшные. Драконы нам не враги, но и не друзья. Будет очень хорошо, если ты найдешь сердце влюбленного дракона, но при этом не станешь ничьей хранительницей.

– А разве может человек хранительницей стать?

– Ох, Анотариэлюшка, ты так мало знаешь о мире этих существ. За столько лет история каких только союзов не видела! Дракон и вампир, дракон и орк, дракон и гном!

Я искренне рассмеялась, силясь себе представить в особенности последний союз, но никак не получалось. Они же сокровищницу не поделят! Всем известно – гномы любители драгоценностей и к доходам у них подход особый.

– Удивительно, что такой союз может даже потомство дать. Госпожа Идрис рассказывала, что императорская повариха дракона родила!

– Может, Василек. Может. При наличии необходимых артефактов. Вот только редкие они. Раньше у каждого драконьего рода были свои артефакты, но со временем, когда численность драконов начала падать, было принято решение о заключении лишь равнородных союзов внутри стаи. И артефакты были потеряны, уничтожены и забыты... Сейчас о них и не вспоминают почти. И такие случаи, как с императорской

поварихой, почти чудо.

Я мечтательно вздохнула, а затем почувствовала зов. Аметист, который так и остался в руке госпожи Венеры, засветился и нагрелся, источал бархатные волны, которые манили куда-то.

– Кажется, тебе пора, дорогая. Погоди, я тебе быстро корзинку соберу, по дороге перекусишь. И побережься тебе нужно сегодня! Старайся не напрягаться лишний раз и не волноваться. Знаю, ты девочка впечатлительная, но все же.

– Госпожа Венера, а вы можете кого-нибудь к пекарю господину Лорису послать? Не успею ведь забежать – предупредить. Волноваться будет! Оська как раз на работу мимо вашей лавки бегает, вы ему скажете?

– Скажу, дорогая, обязательно скажу! И не переживай, – она замерла в дверях, а затем произнесла уверенно: – Талдох к тебе больше не вернется. Мы с сестрами убережем, цветочек.

Через десять минут я уже семенила по пыльным улочкам Астории к императорскому дворцу. Не верится! Я и в императорский дворец иду! Конечно, прежде мне там бывать доводилось – выпечка господина Лориса всеми ценится. Пару раз даже фрейлины императрицы заказывали пирожные и пироги, хотя они, конечно, предпочитают у собственных поваров лакомиться. Я как этих дам увидела – так и замерла. Разодетые в шелка и бархат, с драгоценными парюрами, благоухающие вкусными ароматами. Такими дивными они

мне показались! Как павлины! А как рот открыли, так и очарование все спало. Хуже сорок! И вот теперь мне предстоит некоторое время среди таких дам провести. А другие хранительницы? Как вообще это будет?

На меня внезапно нахлынула паника, да такая сильная, что даже коленки ослабли, и я едва не упала. Благо, кто-то успел подхватить:

– Осторожнее, ноги-то совсем не держат!

Эльф. Самый настоящий эльф! Длинные белые волосы за-
браны в сложную плетеную прическу, которая оканчивается одной косой, небрежно брошенной на левое плечо, уши – длинные, остроконечные, с двумя золотыми серьгами на кончиках. Удивительные черно-сапфировые глаза смотрели в упор. Хозяин этих глаз все так же удерживал меня под локоть, а я и слова сказать не могла, все незнакомца разглядывала, пытаюсь понять, кто он такой. Черная обтягивающая одежда, кожаная жилетка с воротником-стойкой и золотыми нашивками с непонятными знаками – видно, что не простой господин. Да и силой от него веяло. Древней, но какой-то знакомой.

– С вами все в порядке? Бледная вы какая-то.

– Спасибо.

– За то, что бледная?

– За то, что поддержали, – натянуто улыбнулась, выпрямилась и отступила на шаг. – Хотите пирожок?

– Хочу. Чтобы вы его съели. Уж слишком вы худая.

– Это от природы.

Мужчина от души рассмеялся, взял меня под локоток и повел куда-то. Поскольку «куда-то» находилось по пути с императорским дворцом, я не возражала. Точнее, может, и возражала, но как-то не очень убедительно, потому что незнакомец вызывал жгучий интерес. Эльф! Это же такая редкость в Гардии!

– От природы у тебя глаза цвета небесной лазури, а худоба от образа жизни. Срочно нужно поесть.

– Так ведь я уже...

– Пирожок на бегу?

Я резко остановилась.

– Вы что, следили за мной?

– Конечно, следил. Как же иначе? С того момента, как ты на площади талдоха угомонила, так и следил.

– Что вы такое говорите, господин? – спешно оглянулась по сторонам и поманила незнакомца в безлюдный закуток.

– А что я говорю? Ты же дракона поцеловала!

– Так он... он умирал!

Эльф снова рассмеялся и запросто взял меня под руку, будто мы старые знакомые.

– Не трясись, малышка. Мне, в сущности, без разницы, кто ты. Хотя нет, вру, в сущности разница как раз есть. В «Златоглавого дракона»? В «Чешую»? К Лорису? Нам многое предстоит обсудить! У тебя мощна-то с собой? Что-то я ее не ощущаю...

– Я... Я...

– Тогда в Чешую, – решил он и повел меня в самую дорогую ресторацию города. – Заплачу сам, так и быть.

– Господин эльф!

– Кто? – мужчина даже остановился, словно факт принадлежности к эльфийскому роду для него оскорбление. – А. Ну, пусть будет эльф. Ты и без того впечатлительная такая, что вот-вот в обморок свалишься.

– Господин эльф! Простите, не хотела обидеть, но вы по всем данным эльф. Мне во дворец нужно, дела у меня. Если вам больше нечего сказать, то я пойду, меня драконы ждут! – сделала маленький шагок назад. – Они, когда ждать приходится, жутко нервничают. А им нельзя нервничать, сами понимаете, – сделала еще шагок, но замерла под хищным взглядом незнакомца.

– Мне вот что интересно. Дракона ты зачем спасла? Он же тебя убьет, если узнает, – озорно сверкнули необычные глаза эльфа, сейчас налившиеся золотым светом. Магия! Настоящая эльфийская магия...

– Как же не спасти было? Он ведь живой!

– Тебя что, в ковене самосохранению не учили? Талдох у нас какой уровень?

Я испуганно глянула на прошедшую мимо пару, которая, казалось, нашу странную компанию даже не замечала: прекрасный эльф, что выше меня на две головы и широк в плечах настолько, что я запросто могу за ним спрятаться и блед-

ная перепуганная девица с худой кошелкой. С худой, потому что ладная в карете владыки осталась.

– Да не видит нас никто. Мы иллюзией сокрыты. Второй уровень, Василек. Второй. А у тебя – пятый. Теперь вопрос: ты чем думала, когда его спасала?

– Сердцем! Да сердцем я думала и душой! – выкрикнула, почему-то не сумев сдержаться.

То ли магия такая эльфийская, то ли самообладание мне отказало, от невыносимости все время хранить эту тайну. Осознав, что только что произошло, прикрыла рот ладошкой и уставилась на незнакомца, что уже задорно глазками сверкал. Все. Попалась, птичка!

Приобняв меня, эльф загадочно произнес:

– Страшно?

Даже кивнуть не смогла.

– Напрасно, Василек. Напрасно! Так уж и быть, попозже потолкуем. А! Чуть не забыл самое важное. Когда на отборе остальные три камушка выбирать будешь, изумрудных не бери! Нам от одного-то не знаю как избавиться. И хрустальных не бери. Лучше топазовых или сапфировых. Аметистовых на худой конец. Все. Давай. Тебя ждут уже.

Сказал и исчез. А вместе с ним и все вокруг изменилось: я очутилась возле богато украшенных ворот императорского дворца, вокруг сновали люди, стоял невообразимый гул. На дворцовой площади всегдалюдно, вот только до нее мне было не меньше двадцати минут спешного хода. Как я здесь

оказалась? И что за странная эльфийская магия? Как мне теперь идти на отбор, зная, что где-то там ходит мужчина, которому достоверно известно, кто я. Он даже круг мой знает! Откуда? Неужели среди ведьм предательница? Но как? Мы все связаны и, если бы кто-то раскрыл круг, это бы ударило по остальным!

– Куда? – гроыхнуло над самым ухом. Я вздрогнула и уставилась на закованного в железо стражника. Слова застряли где-то глубоко в горле. Там, в глубине забрала сверкали красноватые огоньки глаз стражника. – Ступай отсюда, сегодня не подают.

И даже толкнул меня, оторопевшую. Если бы не ударилась в чью-то грудь позади, так бы на зад и хлопнулась.

– Любезнейший, мне вот интересно. Все полы в пыточных вымыты?

– Н-не знаю, милорд, – как-то растерялся стражник.

– Так вперед! Твои таланты совершенно не приняты во внимание. Такое великолепное умение работать руками не должно пропасть даром.

Стражник не шелохнулся. Веселость с господина дракона мигом спала.

– Что-то непонятное сказал?

Скрежетнуло, закрипело и один из многочисленных привратников, которые здесь стояли больше из протокольных соображений, поковылял в сторону замка. В такой амуниции особо не повоюешь. А уж если упадешь, то и вовсе не вста-

нешь без посторонней помощи.

– Зачем вы так с ним? – изумрудный дракон повернулся ко мне и взял под руку.

– Дисциплина, Анотариэль, начинается с малого. Честь и достоинство воина не в умении носить латы и размахивать мечом. Этому научиться как раз несложно. А физический труд, как ни что другое ставит мозги на место. Тут ведь какое дело, – помолчав, добавил он. Мы пошли по широкой мощеной дорожке к императорскому дворцу. – Дай, думаю, встречу свою красавицу. Не дойдет ведь, испугается, развернется на полпути. И вот тебе, пожалуйста!

– Я не испугалась, – заявила, отступая и мягко убирая от себя драконову ладонь. – Не испугалась. Растерялась я!

Чистая правда. Эльф, применивший ко мне пространственно-временную магию с иллюзией так легко и просто, будто это ничего не стоит, не шел из моей головы. Мало того – ему все обо мне известно!

– Рука болит, гордая моя и непуганая?

Я шла рядом с драконом, пытаюсь перестать думать о случайной встрече, но это было не так легко. В память буквально врезались раскосые глаза с золотистыми радужками. Даже у золотых драконов я таких радужек не видела. Тут что-то иное. Необычное. И ощущение с ним рядом было такое, словно я под водой... Магия. Абсолютная, всесильная!

– Уже нет. В аптекарской лавке госпожи Венеры есть все, чтобы залечить ожоги.

– На то и расчет был.

Не успела я и слова сказать да рот от возмущения раскрыть, как дракон улыбнулся и, водрузив на мое плечо тяжелую ладонь, указал куда-то вперед.

– Видишь? Там, за беседкой, скульптура дракона. Иди к ней, я скоро буду. И камушек достань. Изумрудный, – озорно сверкнув глазами, мужчина подмигнул и стремительно исчез, оставив меня одну в растрепанных чувствах.

Неспешно побрела вперед, минуя ухоженные клумбы и лужайки с газоном. Действительно, за постриженной в форме шара зеленью возле скульптуры дракона собралась пестрая как осенний сад толпа девушек. Они стояли полукругом и слушали высокого широкоплечего мужчину в сапфировом камзоле. Дракона слушали. А я, кажется, все же припозднилась.

Когда в мою сторону повернулись голов тридцать, не меньше, я так и застыла ледяным изваянием. Девушки, одна другой лучше да краше, смотрели на меня с откровенным презрением. Я же едва кошелку не выронила. Платье на мне простенькое, чистое и опрятное, но без подюбников и кринолинов, к которым привыкли во дворе. Просто сарафан до пола с овальным вырезом и на тоненьких лямочках. На дамах же дорогие шелка, бархат, замша, шифон... Я в лавке госпожи Рикитюль к таким тканям даже подходить боюсь! Стоят они немеряно, а запачкать или испортить их раз плюнуть.

Аромат от дам исходил воодушевляющий, но хотелось держаться на расстоянии. Это как зайти в цветник в полуденный зной – лучше не надо так делать, лучше вечера подождать и легкого ветерка. Тогда можно прочувствовать тонкий аромат каждого отдельного цветка. От подобного же оркестра у меня невольно закружилась голова. Не только от запаха, но и сияния драгоценностей, коими кандидатки в хранительницы увешены, словно праздничные торты.

– Простите, госпожа, вам чем-то помочь? – спросил дракон, разорвав неловкую тишину.

Тот самый момент, когда я могу мило улыбнуться и сказать, что ошиблась, мимо проходила, на кухню иду или в каморку садовника. Как раз из кошелки васильки торчат, мне поверят. Но как только представлю, что до конца жизни мне каждую ночь возвращаться к графу Братстону, так слезами горячими плакать хочется. Если я и могу где-то узнать о сердце влюбленного дракона, то именно здесь. К тому же, наверняка во дворце мы получим доступ к библиотеке...

– Госпожа, – спокойно повторил дракон, а красивые леди захихикали.

– Айнари, – представилась, сделав неуклюжий книксен, а затем достала изумрудный камушек. Точнее, аметистовый. Изумрудный попался вторым. Дамы вмиг смеяться перестали и сейчас растерянно переглядывались. Странно, на камнях ведь не написано, что дали мне их владыка и верховный главнокомандующий. Или дамы не ожидали, что драко-

ны могут дать камень кому-то без титула и денег? Я вот тоже не ожидала, чего уж там... До сих пор понять не могу, как удостоилась такой чести. Списываю исключительно на нити судьбы, прядомые исконной магией.

Я ведь про отборы хранительниц слышала. Сагита только о них и говорит, когда в лавку госпожи Венеры заходит. Они случаются время от времени по распоряжению императора. Неженатым боевым драконам сложно соблюдать баланс между человечностью и звериными инстинктами. На вылазках и охранных облетах часто приходится сталкиваться с обезумевшими цветными драконами и, после убийства своих сородичей – опасных, сумасшедших – сложно прийти в себя. Вот здесь и нужны хранители, которые могут достучаться до души и сердца своего дракона.

Несмотря на высокую смертность от съедения, желающих стать хранительницами меньше не становится. Многие женщины мечтают не только хранить человечность дракона, но и выйти за них замуж, приобщиться к силе и власти мужа, занять высокое положение в обществе. Рядом с лавкой госпожи Венеры в преддверии отборов все время суета поднимается. Кто к госпоже Рикитюль бежит за дорогими нарядами, кто к ведьме навевается за «лекарством секретным», чтобы мужчинам нравиться. Госпожа Венера, она же не только лекарства продает, но и снадобья ведьминские под видом пилюль. Впрочем, в большинстве своем именно снадобья и помогают, потому что медицина в Гардии весьма посредствен-

ная.

Но дело в другом. Сейчас на меня смотрели с откровенной злобой, как на конкурентку. Вот только как объяснить им, что не конкурировать я сюда пришла, а за знаниями?

— *Ipsitum!* — прошептала негромко, заметив, как в мою сторону полетели черные облака злобных бытовых проклятий и нецензурных слов.

— Вот как, — дракон посмотрел на меня с интересом и жестом указал, чтобы проходила.

Встала с краю, рядом с сильно надушенной госпожой, с тремя короткими красными перьями в шляпке и, слушая речь дракона, внимательно разглядывала других девушек. Я отчетливо ощущала присутствие кого-то очень сильного, но сила эта родная, знакомая. Ведьма? Возможно, Борхес?

Внимательно рассмотрела всех и остановилась на высокой молодой женщине. В простом черно-зеленом платье без кринолина, что при дворе считается дурным тоном, она с не меньшим интересом смотрела в мою сторону. В этом мы с ней похожи: оскорбили двор одним своим присутствием без колец под подолом. Но привлекло меня не платье и даже не его цвет, а волосы: черные, с фиолетовым отливом. Конечно, один лишь цвет волос еще не говорит о том, что перед тобой ведьма, в противном случае, всех блондинок давно бы выжгли как ведьм Борхес, а брюнеток — Сотхо, но ощущения...

Нас, ведьм, сложно провести благодаря тому, что мы видим и чувствуем мир иначе. Воздух вокруг незнакомки ед-

ва заметно вибрировал, и даже сквозь толпу я чувствовала окружающий ее холод. Моя сила в тепле, солнечном свете, добре, прощении и любви. Сотхо черпают силы из тьмы, ночи и смерти. Казалось бы, странно, что при таком раскладе работать с духами получается лишь у нашего ковена, но мы, в основном, специализируемся на том, правильно проводить их за грань. Вызываем оттуда лишь в случае крайней необходимости, и убийства неуязвимых драконов к таким точно не относятся. Сотхо же специалисты в проклятиях и нападениях. В свое время именно они стояли на страже границ. Иметь в крепости ведьму Сотхо считалось невероятной удачей. Одна такая боевая единица могла обезвредить небольшой вражеский отряд, даже не поднимаясь со стула. Истреблять их начали в первую очередь и, как говорят сестры, сегодня встретить Сотхо почти невозможно. Но мне почему-то казалось, что это именно она.

А еще я талдоха вспомнила. Быть может, Сотхо нашли способ разорвать пространство между мирами, чтобы возвращать духов? Мы не рвем, мы раздвигаем нити, чтобы призвать духа на время, для помощи... А вот некроманты и колдуны его именно рвут. Впрочем, талдоха они призвать не в силах. Ведьма слушает лишь ведьму и придет лишь на ее призыв. Я достала из кошелки блокнотик и схематично записала вопрос, чтобы не забыть спросить у госпожи Венеры, может ли Сотхо призвать сущность второго уровня. Ведь в теории все возможно, а на практике? Если да, то передо

мною возможная убийца драконов и моих сестер, ведь госпожа Венера недавно обронила, что сестры погибли странно. Словно от проклятья. А кто у нас накладывает проклятья? Правильно!

Передернула плечами – зябко стало. Даже кожа мурашками покрылась, хотя на небе ни облачка.

Госпожа Сотхо улыбнулась, да так, что у меня все обмерло внутри. Поспешила отвести взгляд и вскоре забыла о странной незнакомке, слушая важную информацию. И без того уже много прослушала, погрузившись в свои мысли.

– ...бор четыре тысячи тридцать пятый раз. Не каждый раз это заканчивается успехом, поэтому, леди, я настоятельно призываю вас, отнеситесь к предстоящим испытаниям со всей серьезностью. Дракон не женится на вас лишь потому, что вы стали хранительницей. Почему-то многие думают, что это связано. Нет, нет и еще раз нет. В первую очередь, вы должны стать духовной связью человеческой ипостаси дракона с этим миром. Духовной, а не телесной! – и выразительно глянул на леди в темно-вишневом платье, которая смотрела на говорившего дракона как-то странно: прикрыв ресницы и рот приоткрыв. – Духовной. Это когда душа и сердце связаны. А не тела, – повторил он чуть тише, и леди рот закрыла, а глаза наоборот открыла и на дракона вообще смотреть перестала, разглядывая траву под сатиновыми туфельками. – Последствия неправильного выбора печальны для обоих: хранительница может погибнуть, а дракон утра-

тить контроль и не суметь обуздать ящера. Поэтому еще раз призываю вас быть благоразумными, – он замолчал, внимательно оценивая реакцию дам.

Присутствующие, к слову, как-то сникли: опустились веера, растаяли улыбки, глаза больше не блестели.

– Вот вам печальная статистика: только за последний год в одной лишь столице от огня и зубов собственных драконов погибло двадцать пять девушек. Двадцать пять! Три дракона утратили человеческую ипостась.

На поляне стало очень тихо, а две девицы, стоявшие с другого от меня края толпы, медленно, маленькими шагами двинулись в сторону, стараясь сделать свой побег незаметным. Заметили, конечно. Но останавливать их никто не стал. Можно ли винить дам за малодушие, когда цена вопроса – жизнь? Ладно бы только твоя, жизнь дракона и обычных горожан! Сердце тревожно сжалось. Утрата человеческой ипостаси для дракона – смерть и безумие. Если успеет, он сможет скрыться и улететь на скалы, где гнездятся цветные драконы, а если нет...

Буквально недавно в Астории срабатывал сигнал боевой тревоги, небо вспарывали разноцветные стрелы драконов, озаряли вспышки их огня... Должно быть, один из трех случаев случился именно здесь.

Не знаю, как другие, но я отчетливо понимала серьезность должности хранительницы. Не понимала другого. Владыка страшно злится в моем присутствии, на меня злится и на то,

что я человек, но зачем-то дал мне камень. Если он и других кандидатов в хранительницы по тому же принципу выбирал, мне заранее жаль всех нас. Мы обречены. Как и сам владыка.

– Сейчас у вас есть возможность без последствий отказаться от участия в отборе. Имя, репутация, брачные узы, при наличии таковых не пострадают, – тишина стала какой-то плотной, напряженной, а взгляд дракона – пугающим. Он будто отговаривал нас, пристально глядя на каждую. Всем, включая меня, достался жесткий взгляд, проверяющий наши нервы на прочность. – После того, как вы пройдете «коготь дракона», обратного пути не будет.

На сером мраморном столике стоял он – артефакт, через который нам предстояло пройти. О когте дракона мало что известно. Я слышала лишь, что это процедура магической привязки к драконьему племени. Не конкретному дракону, а роду в целом. Благодаря ритуалу потенциальный хранитель, кем бы он ни являлся, на духовном уровне роднится с драконами. Как ведьме мне стало крайне любопытно, как это происходит. Я вижу больше других, а потому сейчас зачарованным ребенком подошла ближе.

Словно замороженная, я следила, как мужчина объясняет первой девушке суть происходящего. У нее один камень – аметист, который она водрузила в первую из пяти ячеек, расположенных вокруг артефакта:

– Дракон раздает до пяти камней. Хранительница тоже может принять пять, – негромко пояснил дракон. – Это не

просто цифра. Пять пальцев на руке и лапе, пять наростов на хребте дракона, пять видов чешуек, пять стадий взросления и умирания, пять уровней магии, пять видов каменных драконов. Цифра пять в нашем мире обладает сакральным смыслом. Пять – это не много, чтобы не считаться неразборчивым в связях, и не мало, чтобы иметь возможность выбрать другой вариант в случае ошибки в суждениях. Прошу, леди Руана. Вашу руку.

Девушка с чрезмерно белым цветом кожи протянула ладонь дракону. Он легонько прислонил ее указательный палец к вытянутому вверх когтю драконьей лапы у артефакта и капнул кровью в центр раскрытой пятерни каменного ящера. Капелька впиталась. Заискрился артефакт, активизировалась древняя магия. В отличие от других, я сейчас видела, как золотистые ленты, похожие на солнечные лучи, сочатся из камня, оплетают лежащий в ячейке аметист. Когда чары схлынули, камень уже был покрыт вязью золотистых символов. Казалось, кто-то облил его тончайшим слоем золота и неожиданно заморозил. Неописуемая красота!

– Вы подходите, – с полуулыбкой произнес дракон, и упомянутая леди немного расслабилась, хотя все равно ее руки подрагивали. Не мудрено, после такой-то речи, и я трепетала. – Теперь мудрость предков. Пейте.

В хрупкие ручки лег тяжелый хрустальный бокал, наполненный черно-бордовой жидкостью. Кровь? От подобного предположения стало не по себе.

– Это особое вино с добавлением крови драконов, участвующих в отборе и крови наших древнейших предков.

Леди Руана бросила встревоженный взгляд на девушек, которым лишь предстояло пройти немного жуткий ритуал и, решившись, сделала небольшой глоток. Пару мгновений ничего не происходило. Дракон забрал чашу из ее дрожащих ладоней, а вскоре мы увидели, как белая кожа ее рук покрывается замысловатыми золотистыми узорами. Они яркой вязью вскарабкались до локтей, а затем вспыхнули и исчезли.

– Поздравляю, леди Руана. Ваши помыслы чисты. Вы официально нарекаетесь аэлитой. Аэлита, – пояснил он для присутствующих, – потенциальная хранительница дракона. Да, дорогие дамы, вместе со статусом полагаются личные покои во дворце, слуги, наряды и материальное содержание.

Затрепетали веера, зашелестели юбки, расцвели улыбки на порозовевших лицах. Я лишь крепче сжала руками кошелку, пытаюсь выровнять дыхание. Сердце трепетало в груди, казалось, вот-вот наружу вырвется и покинет тело.

– Следуйте за ирдой, аэлита Руана.

Сапфировый дракон указал рукой на красивые двустворчатые двери, возле которых стояла драконица в ярко-зеленом платье и обворожительно улыбалась.

Одна за другой девушки подходили к артефакту. Некоторые отказались проходить ритуал и, сложив камни в специальную корзинку, покинули дворцовый сад. Двоим отказали предки, признав их помыслы нечистыми, остальные получи-

ли благословение и стали аэлитами. Среди таких и госпожа ведьма Сотхо. Так ли чисты ее помыслы или ей удалось обмануть даже древнюю магию? Удастся ли обмануть ее мне, ведь помыслы мои не так чтобы чисты. Зла драконам я, разумеется, не желала, но истинная моя цель вовсе не хранительницей стать.

Прежде чем отправиться к драконице в ярко-зеленом платье, Сотхо почему-то посмотрела на меня и загадочно улыбнулась. Поняла. Поняла, что я тоже ведьма! Нужно будет как-то деликатно выяснить, что она делает на отборе. Учítывая, как драконы ненавидят ведьм, находиться здесь для нас опасно. На такой шаг можно решиться лишь в том случае, когда терять уже нечего. Вот мне нечего терять. Самое ценное, что у меня есть – моя свобода – уже украдено графом Братстоном.

– Госпожа Айнари. Прошу, – дракон протянул мне ладонь в приглашающем жесте.

Дыхание сперло, а под коленками разлилась предательская дрожь. Мне невыносимо хотелось броситься прочь, а сердце трепетало и билось о грудную клетку, как бьется бабочка в стекло, отчаянно пытаюсь вырваться на волю. Я понимала, что пути назад не будет. Знала, что если выяснится моя принадлежность к Борхес – погибну. Страшной и мучительной смертью. Все понимала, тем не менее, сделала неуверенный шаг вперед. Еще один и еще. Что-то внутри само вело меня навстречу пропасти. Желание помочь графу?

Желание обрести свободу? Я как та бабочка, что отчаянно ищет воли... Но я не стану биться в стекло, я буду старательно облетать препятствия и искать выход. Буду бороться до конца, потому что лучше сразу умереть, чем и дальше жить так. Жить, будучи привязанной к монстру, будучи связанной с ним. Магия темных эльфов коварна. Каждый год граф стареет на пять лет. Учитывая, что наши жизни связаны, последний вздох его сиятельства станет и моим последним мгновением.

– Госпожа Айнари?

Мягкий голос дракона вывел из оцепенения. Оказалось, что я уже стою возле артефакта, а внутри совсем не осталось страха. Только любопытство и решимость.

– Ваши камни, пожалуйста.

Я вложила аметист и изумруд в ячейки, обозначенные рунами соответствующих камней, отложила кошелку и покорно протянула ладонь мужчине. Легкий укол, капелька крови, а затем что-то пошло не по плану. До меня артефакт дарил участницам шелковые золотые ленты, которые мягко и нежно оплетали их камни. В моем же случае каменная лапа вспыхнула огнем, да так сильно, что мы с драконом отпрянули и зажмурились. Вот уж чего не ожидала, так появления разом десяти других драконов, которые, оказывается, внимательно следили за ритуалом под покровом невидимости. Они располагались под навесом на дорогих креслах и наблюдали за своими избранницами.

– Милорды, я... – озадаченно произнес распорядитель, переводя взгляд с меня на артефакт, а затем на драконов. Прижав к губам пораненный палец, я не могла отвести взгляд от огня. Наконец, пламя схлынуло, оставив после себя дымящиеся драгоценные камни. У других участниц они покрывались тонкой золотой сеточкой, едва различимой, в моем же случае покрылись толстыми затейливыми узорами.

– Госпожа Айнари, – поднялся ирд Д’Остраф и, сверкнув изумрудными глазами, поинтересовался: – предков-драконов имеем?

– Да что вы, милорд? Матушка – обычная аптекарша, отец – лесоруб.

– Нетипично для драконов, – иронично заметил он.

– Действительно, сильная связь с родом, – с интересом произнес другой дракон – хрустальный. – Вы уже храните чью-то сущность?

– Нет, милорд, – я совершенно ничего не понимала. Не могла же моя инициация с драконом повлиять на артефакт подобным образом? В противном случае, любые близкие отношения с ними приводили бы к таким вот последствиям.

Я посмотрела на камни, что еще дымились, словно те могли дать ответ.

– Не лжет, – хором ответили изумрудные драконы.

– Весьма любопытно, – ирд Д’Остраф подошел ко мне и, положив тяжелую ладонь на мое плечо, второй рукой камушек взял. Изумрудный. Прямо горячий! И так держал, слов-

но тот не опалает его пальцы! Мужчина поднял его вверх, так, чтобы солнечные лучи проходили сквозь прозрачные грани, искрясь и изламываясь, сверкая необычным, магическим светом. Я ощущала силу, исходившую от амулета. Это именно амулет – уже никаких сомнений не осталось. – Чувствуешь?

Он произнес негромко, но слышали все присутствующие.

– Абелард, – осадил его владыка. – Вернись на место. Продолжайте, распорядитель. Я не вижу причин, по которым госпожа Айнари не может быть допущена к мудрости предков. Думаю, эта часть ритуала разрешит все сомнения.

– Согласен, – вставил хрустальный дракон, который все время разглядывал меня с каким-то нехорошим интересом.

Не понравился он мне. Кипенно белые волосы забраны в мелкие длинные косы, оканчивающиеся маленькими хрустальными шариками. Все драконы носят длинные волосы – это своего рода дань зверю. Считается, что в человеческой ипостаси сила дракона кроется именно в них. Пожалуй, только прическами они и роднились, в остальном – совершенно разные. Почти прозрачная кожа хрустального дракона, под которой отчетливо выделялась синяя сеть вен, откровенно пугала, а уж черные узкие зрачки, окруженные мутно-белыми радужками вовсе выбивали воздух из легких. Вспомнились слова эльфа о том, что камни от хрустальных драконов принимать не стоит. Не знаю почему, но слова этого стран-

ного незнакомца, знающего обо мне неоправданно много, я восприняла всерьез.

– Дыши, Анотариэль. Все хорошо.

Повелитель мягко сжал мое плечо, положил камень на место и вернулся к остальным. Мимолетная, но все же забота, несколько приободрила. Но ясности все равно не хватало...

– Что ж, – сапфировый дракон – распорядитель – протянул мне кубок.

Присутствующие напряглись, подались вперед. Чувствуя давление и какую-то ответственность, я сжала двумя руками кубок и, стараясь не дышать – не люблю кровь – зажмурила глаза и сделала глоточек. Совсем маленький. Можно сказать, пригубила вино, даже не почувствовав вкуса, но это возымело уникальный эффект.

Хрусталь выпал из ослабших рук, но сапфировый дракон молниеносным движением успел подхватить его почти у самой земли. Я засветилась. Вся! Пальцы, запястья, локти, плечи... Свет вырывался из-под подола платья, магия обжигала грудь и опаляла живот. Вязью покрывалась я вся, даже лицо щекотало и горело, а смотреть вокруг было невыносимо. Драконы повскакивали с мест, а распорядитель мягко поддержал меня за плечи, чтобы не упала.

Когда открыла глаза, передо мной стояли остальные восемь драконов и все, как один, протягивали свои камни. Но я не на них смотрела, а на свои ладони. Золотые узоры, в которых смутно узнавались древние руны драконов вперемешку

с языком эльфов, медленно впитывались в кожу и исчезали. Что-то менялось внутри. Странное тепло в груди изменяло мое мироощущение. Краски стали ярче, звуки – громче, а драконы... Я чувствовала их! Я так остро их чувствовала и сейчас мужчины, что стояли передо мной, все как один буквально жаждали, чтобы я взяла их камни. Их ящеры бесновались, едва не грызлись друг с другом, желая овладеть добычей. Мной овладеть!

– Госпожа Айнари...

– Возьмите...

– Вы не пожалеете...

– Мой камушек...

На меня словно стая собак напала и каждая из них пыталась оторвать себе кусок от добычи. Они все говорили и говорили, а негромкие голоса тяжелым молотом ударяли по ушам. Запахи духов давно ушедших леди, били в голову, цветы пахли так невыносимо остро, а где-то постригали траву и аромат свежего сока сводил с ума. А еще этот свет! Глаза вот-вот лопнут от напряжения.

– Госпожа Айнари...

Кто-то цапнул за запястье и потянул, затем потянули в другую сторону, снова в обратную, за подол платья.

– Милорды, спокойнее! – раздраженный голос распорядителя разбился звонким хрусталем. Он говорил что-то еще, призывал к порядку, но дальнейшие слова доносились, словно из глубокого колодца. Мельтешили лица, голоса слились

в звон, и казалось, что переполненная голова попросту взорвется. Мир покачнулся, все закружилось, перед глазами потемнело...

А потом все резко прекратилось.

Я оказалась на чьих-то руках и ничего, кроме размеренного биения чужого сердца больше не слышала. Крепко зажмурилась, вцепившись в жесткую ткань камзола так, что костяшки на пальцах побелели. Стало легко и удивительно спокойно. Хотелось, чтобы эти спасительные объятия длились и длились, а обезумевший мир остался где-нибудь далеко и не возвращался больше.

– Госпожа Айнари минует первый этап отбора, – над моей головой раздался недовольный голос владыки. Я этот голос сразу узнала, но ни открывать глаза, ни шевелиться не хотелось. Только ладонь разжала, чтобы камзол не помять.

Притихла на руках мужчины, прижимаясь щекой к теплой груди и слушала, как мягко, но сильно, бьется в груди сердце дракона. И не было в нем сейчас холодной ярости или горячего гнева. Сила, спокойствие и уверенность, которые так мне необходимы. Они передавались мне, с каждым ударом, с каждым мигом, наполняя мой мир каким-то новым смыслом.

– Приемлемо, – согласился распорядитель. – Очевидно, что она совместима с вами, милорд.

– У меня тоже нет сомнений в нашей совместимости, – с нажимом добавил ирд Д’Остраф. – Готов перейти ко второму

этапу. Ролдхар?

– После меня, – отрезал владыка, и мы куда-то пошли.

Солнце больше не жалило кожу, уступив место ласковой прохладе. Во дворце, а мы оказались именно там, должно быть шумно, но я не слышала звуков. Как не впивались в меня запахи...

– Ваш организм перестраивается, – пояснил дракон, продолжая идти. Он нес меня, бережно прижимая к себе, и словно не чувствовал тяжести. – Вы острее других перенесли ритуал и это для нас загадка. Вы как-то связаны с миром драконов исконной магией и теперь воспринимаете его почти как наша человеческая ипостась.

– Было так громко. И ярко. И эти запахи, – произнесла едва слышно, вздрогнув от собственного голоса. Слишком громко! Хотя приятный баритон дракона вовсе не терзал слух.

– Вы голодны и истощены. Так бывает после ранения. Обещаю, скоро пройдет.

По мне мазнул ветерок открывшейся двери, а затем меня осторожно уложили на кушетку. Убедившись, что я способна лежать самостоятельно, дракон распрямился.

– Спасибо.

Я рассматривала его с интересом. Изменения в нем столь разительны, что это не поддается разумному объяснению. Не чувствовалось ярости, а вместо замкнутости – открытость. Чтобы ард Нойрман произнес столько слов и что-то мне объ-

яснил? Не потеряв контроль?

– Что? – колыхнулось недовольство, а я улыбнулась и потупила взгляд.

– Вы изменились.

– Вздор, – глухое раздражение.

А после дракон развернулся и покинул комнату, оставив меня одну.

Вздор? Вот только я чувствовала, видела и понимала, что никакой не вздор. Изменения тронули сердце аметистового дракона. Оно умягчилось. Если прежде он вспыхивал яростью от малейшего пустяка, даже на ровном месте, даже от одного взгляда на меня – человечку, то сейчас на руках нес и я ни разу, ни одной клеточкой своего тела, ни краешком души не ощутила презрения.

Почему я сейчас улыбаюсь? Мне сложно объяснить это самой себе. Да и следует ли вообще? Просто маленький шаг к победе!

Комната мне понравилась. Большая, просторная, при этом невероятно уютная, в теплых бежево-персиковых тонах. Большое окно прикрыто гобеленовыми шторами, собранными по бокам и повязанными золотистыми шнурами, над кушеткой, усыпанной мягкими подушками – большое панно с изображением цветущего сада, передо мной стеклянный столик с напитками, ваза с кремовыми розами, чей аромат казался слишком резким сейчас. Все казалось слишком резким, даже мягкий свет, льющийся из огромного окна.

Запах горячей еды я почувствовала прежде, чем открылись двери, и вошел дракон, за которым слуги вкатили изящную тележку. На круглый столик, застеленный двумя скатертями, легли многочисленные блюда, бокалы, приборы. Я с недоумением следила, как мужчина в белых перчатках и черном сюртуке сервирует стол. Затем он поклонился дракону, справился о пожеланиях и оставил нас.

– Вы можете подняться?

– Не знаю.

Попробовала сесть. Голова больше не кружилась, хотя сердце все еще лихорадочно стучало в груди. Предложенную драконом ладонь приняла и поднялась. Это мимолетное мягкое касание, которое ард Нойрман прекратил почти сразу, отозвалось ласковым теплом. Оно хранилось на кончиках пальцев и когда мне помогли расположиться на мягком стуле с подлокотниками, и когда дракон сел напротив.

– Вы улыбаетесь, – вновь заметил он с укоризной.

– Просто мне хорошо.

Мужчина хмыкнул, щелкнула пробка, в мой бокал полилась рубиновая жидкость, тут же наполнившая комнату терпким ароматом со сладкими нотками. Но сейчас мое внимание привлекал кусок жареного мяса с пюре и овощами. Желудок тревожно сжался, в надежде, что это все ему, а я как-то нерешительно посмотрела на белоснежную тарелку с золотой каемкой, затем на дракона.

– Что с вашей рукой? – скучающим голосом поинтере-

совался владыка, расстилая на коленях салфетку. Перевела взгляд на свои бинты и погладила их.

– Ирд Д’Остраф, – начала и осеклась. Вопрос из вежливости не требует подробного ответа. – Это было недоразумение.

На меня подняли тяжелый взгляд.

– Вы так не считаете.

Нелегко это будет – проводить время с драконами. И пяти минут не прошло, как меня обличили во лжи.

– Да, не считаю, – постаралась улыбнуться и перевела взгляд на тарелку, что сейчас стояла передо мной. Нет, не с мясом и пюре – это второе блюдо. А вот первое – ненавистный суп с моллюсками, чей отвратительный запах сейчас вызывал у меня совершенно неблагородные желудочные спазмы. Если есть на свете что-то, что я поистине всем сердцем не приемлю – то вот оно, стоит прямо перед носом. – Мне кажется, ирд сделал это нарочно. И не понимаю, чем я заслужила такое обращение.

– Вам не кажется. Но уверен, Абелард действовал деликатно.

Я не без отвращения проследила, как дракон набрал полную ложку супа и отправил в рот. Как он это ест?

– Деликатно? – переспросила, сглотнув ком. – По-моему он был вызывающе груб, жесток и безжалостен! Он ведь сознательно это сделал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.